

ШЕСТЬ АЛЫХ ЖУРАВЛЕЙ

«Блистательная
сказка, от которой
захватывает дух».

СТЕФАНИ ГАРБЕР,
автор бестселлера
«Караваль»

Э Л И З А Б Е Т Л И М

От автора бестселлера *New York Times* **«СПЛЕТАЯ РАССВЕТ»**

Элизабет Лим
Шесть алых журавлей
Серия «Young Adult. Китайское
магическое фэнтези»
Серия «Мир «Кровь звёзд»»
Серия «Шесть алых журавлей», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66674380*

*Шесть алых журавлей: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-160389-2*

Аннотация

Сиори – первая дочь императора и любимая принцесса королевства Кияты. По ее венам течет запретная магия, что считается редким, но опасным даром. Когда Сиори потеряла контроль над магией, жестокая мачеха изгнала принцессу из королевства, а ее братьев превратила в журавлей.

Безмолвная и одинокая Сиори пытается разыскать братьев и спасти королевство, окутанное заговором. Но для этого она должна довериться дракону со сверкающими рубиновыми глазами и зеленой, как чистейший нефрит, чешуей, а также тому, от кого она так стремительно бежала.

Содержание

Глава первая	11
Глава вторая	21
Глава третья	36
Глава четвертая	49
Глава пятая	64
Глава шестая	80
Глава седьмая	95
Глава восьмая	105
Глава девятая	113
Глава десятая	124
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Элизабет Лим

Шесть алых журавлей

Elizabeth Lim

SIX CRIMSON CRANES

Text copyright © 2021 by Elizabeth Lim

Jacket art copyright © 2021 by Tran Nguyen

Map art copyright © 2021 by Virginia Allyn

This translation is published by arrangement with Random House Children's Books, a division of Penguin Random House LLC

© Харченко А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

ШЕСТЬ
АЛЫХ
ЖУРАВЛЕЙ

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Джоан Хэ
НАСЛЕДНИЦА ЖУРАВЛЯ

Джун Ч. Л. Тан
НЕФРИТ. ОГОНЬ. ЗОЛОТО

Элизабет Лим
*СПЛЕТАЯ РАССВЕТ
РАСПЛЕТАЯ ЗАКАТ
ШЕСТЬ АЛЫХ ЖУРАВЛЕЙ*

ШЕСТЬ АЛЫХ ЖУРАВЛЕЙ

ЭЛИЗАБЕТ ЛИМ

Freedom

Москва

2022

Шарлотте и Оливии – вы мое величайшее приключение.

Моя радость, мое чудо, моя любовь.

Глава первая

Дно озера отдавало грязью, солью и сожалением. Глаза больно пощипывало из-за вязкой воды, но, слава великим богам, я их не закрыла. Иначе не увидела бы дракона.

Он оказался меньше, чем я представляла: не крупнее гребной лодки, со сверкающими рубиновыми глазами и зеленой, как чистейший нефрит, чешуей. Полная противоположность тому, о чем говорилось в легендах: огромных чудищах размером в деревню, которые могли проглотить целый военный корабль.

Дракон подплыл ближе, и в его круглых алых глазах отразились мои.

Он наблюдал, как я тону.

«Помоги!» – взмолилась я. Воздух в легких заканчивался, до конца моей жизни оставались считанные секунды.

Дракон задумчиво посмотрел на меня и вскинул перистую бровь. На краткий миг во мне затеплилась надежда, что он поможет. Но затем его хвост обвился вокруг моей шеи, выжимая остатки воздуха.

И мир почернел.

Если вдуматься, пожалуй, не стоило говорить служанкам о своем плане прыгнуть в Священное озеро, но утро выдалось просто невыносимо жарким! Даже кусты хризантем увяли на солнце, а коршуны, парившие над цитрусовыми деревьями, слишком изнемогали от жажды для своих мелодичных трелей. Не говоря уж о том, что купаться в озере куда предпочтительнее, чем идти на церемонию обручения – или на трагический конец моего будущего, как я предпочитала ее называть.

К несчастью, служанки мне поверили, и новость быстро, как демонов огонь, дошла до отца. Уже через несколько минут за мной прибыл один из братьев и свита из суровых гвардейцев.

Так я и оказалась в дворцовом лабиринте коридоров в самый жаркий день года, направляясь под бдительным сопровождением к трагическому концу своего будущего.

Следуя за братом по очередному залитому солнцем коридору, я натянула рукав, якобы прикрывая зевок, и мельком заглянула внутрь.

– Хватит зевать, – побранил Хасё.

Я опустила руку и снова зевнула.

– Вот сейчас назеваюсь вдоволь и перед отцом уже не буду.

– Сиори...

– Сам попробуй встать ни свет ни заря, чтобы твои воло-

сы расчесали тысячу раз. Или ходить в этой горе шелка, – парировала я и задрала руки, но рукава были настолько тяжелыми, что сразу же потянули их вниз. – Только взгляни, сколько здесь слоев! Их хватило бы, чтобы оснастить парусами целый корабль!

Его губы дрогнули в намеке на улыбку.

– Боги все слышат, дражайшая сестрица. От этих позорных жалоб твой жених весь покроется прыщами.

Мой жених. Любое упоминание о нем влетало в одно ухо и вылетало через другое, а мысли обращались к чему-то более приятному. Например, как бы уговорить дворцового повара раскрыть рецепт пасты из красной фасоли или, еще лучше, как бы спрятаться на корабле и отправиться в путешествие по морю Тайцзинь.

Как единственную дочь императора, меня никуда не отпускали одну, тем более за пределы столицы, Гиндары. Уже через год я стану слишком взрослой для подобных выходов. И слишком замужней.

От унизости своего положения я невольно вздохнула.

– Значит, я обречена. Он будет уродцем.

Брат усмехнулся и подтолкнул меня.

– Ладно, хватит ныть. Мы почти пришли.

Я закатила глаза. Хасё говорил так, будто ему не семнадцать лет, а все семьдесят. Из шести братьев я любила его больше всех – он единственный мог похвастаться таким же

острым умом, как у меня. Но с тех пор, как он всерьез взялся за королевские обязанности и начал тратить свое остроумие на шахматы вместо шалостей, я перестала рассказывать ему обо всем подряд.

К примеру, о том, что скрывалось у меня в рукаве.

Что-то щекотно проползло вдоль руки, и я почесала локоть. Затем, просто на всякий случай, зажала широкий рукав под запястьем. Если бы Хасё знал, что пряталось под этой горой складок, то жизни бы мне не дал.

Он или отец.

– Сиори, – прошептал брат. – Да что не так с твоим платьем?

– Мне показалось, что шелк испачкался, – соврала я, потирая рукав, а затем с демонстративной тоской посмотрела на горы и озеро. – Сегодня так жарко. Разве тебе бы не хотелось поплавать снаружи, вместо того чтобы торчать на какой-то скучной церемонии?

Хасё с подозрением покосился на меня.

– Сиори, не увиливай от темы.

Я склонила голову, изо всех сил изображая раскаяние, и тайком поправила рукав.

– Ты прав, брат. Пришло время мне повзрослеть. Спасибо тебе за... за...

Руки снова что-то щекотно коснулось, и я хлопнула по локтю, чтобы приглушить звук. Моему секрету не сиделось на месте, из-за чего ткань халата бугрилась.

– За то, что ведешь меня на встречу с моим суженым, – выпалила я и спешно направилась к приемному залу, но Хасё поймал меня за рукав, задрал его и хорошенько встряхнул.

Наружу вылетела бумажная птичка не крупнее стрекозы и не менее прыткая. Издалека она напоминала воробушка с красной чернильной точкой на голове. Птичка вспорхнула к голове брата и зависла в воздухе перед ним, быстро хлопая тонкими крыльями.

От изумления у Хасё открылся рот и округлились глаза.

– Кики! – зашипела я, показывая на широкий рукав. – Живо лети обратно!

Но та и не думала повиноваться. Она села на нос Хасё и погладила его крылом, показывая свое расположение. У меня расслабились плечи; животные всегда симпатизировали Хасё, и Кики наверняка очарует его так же быстро, как и меня.

Как вдруг брат накрыл лицо ладонями, пытаясь поймать ее.

– Не трогай! – воскликнула я.

Кики взмыла вверх, чудом улизнув от его рук, и забилась о деревянные ставни на окнах вдоль коридора, выискивая открытое.

Я побежала за ней, но Хасё крепко схватил меня, и мои туфли без задников заскользили по гладкому деревянному полу.

– Пусть летит, – прошептал он на ухо. – Позже это обсу-

дим.

Гвардейцы распахнули двери, и один из министров отца объявил о моем прибытии:

– Принцесса Сиориамма, младшее дитя, единственная дочь императора Ханрю и покойной императрицы...

Во главе огромного зала сидели отец и его супруга, моя мачеха. Воздух пульсировал от всеобщего нетерпения, придворные то и дело разворачивали влажные платки, чтобы вытереть капельки пота на висках. Впереди виднелись спины лорда Бусиана и его сына – моего жениха, – кланявшихся императору. Лишь мачеха обратила внимание на то, как я замерла на пороге. Ее голова наклонилась, светлые глаза всмотрелись в мои.

По спине пробежал холодок. Внезапно меня охватил страх, что, если соглашусь на эту церемонию, то стану похожей на нее: холодной, грустной и одинокой. Хуже того, если я не найду Кики, это может сделать кто-то другой, и тогда отец узнает о моей тайне...

А она заключается в том, что я оживила бумажную птичку с помощью магии.

Запретной магии.

Я развернулась и протолкнулась мимо Хасё, который от удивления даже не попытался меня остановить.

– Принцесса Сиори! – закричали гвардейцы. – Принцесса!

Я стянула церемониальную куртку и помчалась за Кики. Расшитая богатым орнаментом, она весила не меньше доспе-

хов и, скинув эту ношу с плеч и рук, я словно обрела крылья. Шелк остался валяться комком посреди коридора, а я выпрыгнула через окно в сад.

Прищурившись от нещадно палящего солнца, искала Кики. Она попетляла между вишнями и неистово метнулась к цитрусовым деревьям, чем спугнула стаю коршунов с веток.

Перед церемонией я собиралась запереть ее в шкатулке с украшениями, но Кики так настойчиво хлопала крыльями и билась о стенки своей темницы, что кто-то из слуг наверняка бы нашел ее.

Поэтому я решила, что лучше взять ее с собой, и спросила: «Обещаешь вести себя хорошо?»

Кики кивнула, что я восприняла за знак согласия.

Ох и зря.

Демоны меня побери, более крупной идиотки, поди, во всей Кияте не сыщешь! Но нельзя же винить себя за добросердечие, пусть и по отношению к бумажной птичке.

Ведь Кики *моя* бумажная птичка. С возрастом братья стали уделять все свое время королевским обязанностям, а я осталась совсем одна. Но Кики всегда была готова меня выслушать, хранила мои тайны и неизменно веселила. С каждым днем она казалась все более живой и стала мне верным другом.

Нужно позарез ее вернуть.

Бумажная птичка приземлилась посреди Священного

озера и с непоколебимым спокойствием поплыла по водной глади, будто и не перевернула мое утро с ног на голову.

Наконец, тяжело пыхтя, я нагнала ее. Даже без куртки церемониальное платье было настолько тяжелым, что не давало перевести дух.

– Кики! – Я кинула камешек в озеро, чтобы привлечь ее внимание, но она просто отплыла дальше. – Сейчас не время для игр!

Что же делать?! Если кто-то узнает о моем магическом даре, пусть и незначительном, меня навсегда прогонят из Кияты. А эта судьба намного хуже, чем выйти замуж за какого-то безликого лорда третьего звена.

Я спешно скинула туфли и, даже не сняв халат, прыгнула в озеро.

Для девушки, вынужденной сидеть взаперти и учиться каллиграфии или игре на цитре, я довольно хорошо умела плавать. Благодарность за то причитается моим братьям; прежде чем они возмужали, летом мы частенько выбирались из дворца и купались вечерами в озере. Я знала его как свои пять пальцев.

Я поплыла к Кики, чувствуя обжигающий жар солнца спиной, но она все глубже погружалась в воду. Многослойное платье туго обвило тело, юбка липла к ногам при каждом движении. Мои силы иссякали, и вскоре небо скрылось за сомкнувшимися волнами озера.

Я закашлялась и отчаянно устремилась вверх, но чем

больше сопротивлялась, тем быстрее тонула. Вокруг, подобно урагану, вихрились мои длинные черные локоны. От страха внутренности стянуло узлом, горло горело, в ушах бешено стучал пульс.

Я развязала золотой пояс на халате и дернула за юбку, но та камнем тянула меня все ниже и ниже, пока солнце не превратилось в смутную жемчужину света, мерцающую где-то наверху.

Наконец мне удалось сорвать с себя юбку. Я поплыла вверх, но до поверхности было слишком далеко. До нее ни за что не добраться, прежде чем закончится воздух.

Я здесь умру.

Я отчаянно забила ногами в воде, борясь за выживание, но все тщетно. Панике старалась не поддаваться – та лишь ускорит мою гибель.

Владыка Саримаэн, бог смерти, уже шел за мной. Он ослабит жжение в мышцах, нарастающую боль в горле. Кровь постепенно стыла в жилах, мои веки почти сомкнулись...

Как вдруг я увидела дракона.

Поначалу мне показалось, что это змея. Драконов не встречали уже много веков, и издалека он напоминал одного из излюбленных питомцев моей мачехи. Во всяком случае, пока не блеснул когтями.

Он скользнул ближе, его усы – длинные, тонкие, серебристые завитки – оказались на расстоянии вытянутой руки от меня.

А затем протянул лапу, и в ней, зажатая между двумя когтями, была Кики.

На секунду я оживилась, активно заработала ногами и потянулась к дракону. Но мои силы иссякли наряду с воздухом. Мир медленно сужался, лишаясь всех красок.

Дракон сомкнул лапу, лукаво сверкая глазами. Его хвост обвил меня сзади и сжался на шее.

И тогда мое сердце отбило последний удар.

Глава вторая

– З-змею, – с запинкой выпалил Хасё. Врал он так себе. –

Она увидела змею.

– И бежала от нее до самого озера? Ерунда какая-то.

– Ну... – замялся брат. – Сам знаешь, как она ненавидит змей. Наверное, подумала, что та ее укусит.

Голова ужасно раскалывалась. Я приоткрыла глаз и увидела у своей кровати двух старших братьев, Андахая и Бэнкая. Хасё держался позади и закусывал нижнюю губу. Мои веки опустились. Может, они уйдут, если подумают, что я все еще сплю.

Но Хасё, демоны его побери, все заметил.

– Смотрите, она просыпается!

– Сиори, – строго позвал Андахай. Его вытянутое лицо нависло надо мной, и он потряс меня за плечи. – Мы знаем, что ты не спишь. Сиори!

Я закашлялась и вся сжалась от боли.

– Хватит, Андахай, – одернул его Бэнкай. – Прекрати!

Легкие по-прежнему горели от недостатка воздуха, во рту чувствовался привкус грязи и соли. Я отпила воды из протянутого Хасё стакана и выдавила улыбку.

Но братья продолжали стоять с мрачными лицами.

– Ты пропустила церемонию обручения, – побранил Андахай. – Мы нашли тебя на берегу. Ты едва не утонула!

Только старший брат мог отругать меня за то, что я чуть не умерла. «Чуть не умерла», – повторила я про себя и быстро подняла руку к шее. Дракон обвил ее хвостом, будто хотел задушить меня. Но на мне не было ни синяков, ни перевязок. Неужели он спас меня? Последнее, что я помнила, это два рубиновых глаза и кривоватую ухмылку. А вот то, как я выбралась на поверхность, стерлось из памяти. Но выплыть самой мне было не по силам...

Под другой рукой, спрятанной под одеялом, встрепенулись крылья, привлекая мое внимание.

Кики! Слава Вечным дворам! Она немного промокла, как и я, но выжила.

– Что произошло, Сиори? – поторопил Андахай.

– Дай ей прийти в себя, – осадил его Бэнкай.

Он присел на корточки у кровати и гладил меня по спине, пока я пила воду. Неизменно ласковый и терпеливый, он бы стал моим любимым братом, если бы мы виделись чаще. Отец готовил его стать командиром киятанской армии, а трон унаследует Андахай.

– Ты сильно перепугала нас, сестра. Ну же, расскажи старику Бэн-Бэну, что ты помнишь?

Я прислонилась к изголовью кровати из палисандрового дерева. Хасё уже сказал, что меня спугнула змея, но стоит ли поддерживать столь явную ложь?

«Нет, это только вызовет у братьев еще больше вопросов, – быстро рассудила я. – С другой стороны, и правду не

скажешь – им нельзя знать о Кики».

Ответ довольно прост. Если враньем не выкрутиться, ну-жен отвлекающий маневр.

– Меня спас дракон.

Уголки губ Андахая опустились.

– Дракон. Серьезно?

– Он был мелким для дракона, – продолжила я, – вероятно, потому что еще молод. Зато у него глаза умные. В них светилось даже больше мудрости, чем у Хасё.

Я игриво улыбнулась в попытке разрядить обстановку, но вид у братьев сделался еще угрюмее.

– У меня нет времени на байки, Сиори, – твердо заявил Андахай, скрестив руки. Длинные рукава его халата были такими же жесткими, как его вощенные черные волосы. В отличие от остальных братьев, он был напрочь лишен фантазии. – Из всех дней ты выбрала именно этот, чтобы сбежать к озеру... и пропустила церемонию с сыном лорда Бусиана!

Мой жених совершенно вылетел у меня из головы. Грудь сдавило от чувства вины, и моя улыбка мигом стерлась. «Должно быть, отец сильно разгневался».

– Отец уже идет сюда, – продолжил Андахай. – Ты, конечно, его любимица, но я бы не рассчитывал на то, что это тебя спасет.

– Не будь к ней так суров, – попросил Бэнкай и понизил голос: – Откуда нам знать, может, это было спланированное нападение.

– Нападение? – я нахмурилась.

– Ходят слухи о восстании, – объяснил мой второй по старшинству брат. – Многие лорды против твоего брака с сыном лорда Бусиана. Боятся, что его семья станет слишком влиятельной.

– На меня никто не нападал, – заверила я. – Я увидела дракона, и он спас меня.

Лицо Андахая покраснело от злости.

– Хватит врать, Сиори! Из-за тебя Бусианы покинули Гиндару с позором!

В кои-то веки я говорила чистую правду.

– Но я не вру! Я видела дракона.

– Так и скажешь отцу?

– Что скажет? – раздался громогласный голос, эхом раскатившийся по комнате.

Я не слышала, как разъехались двери – лишь их тихое дребезжание, когда в покои вошли отец с мачехой. Братья низко поклонились, а я опустила голову почти до колен.

Андахай выпрямился первым.

– Отец, Сиори...

Тот жестом велел ему замолчать. Я никогда не видела отца таким злым. Как правило, мне достаточно было улыбнуться, чтобы растопить лед в его глазах, но не сегодня.

– Твоя гувернантка сообщила нам, что ты невредима. Что ж, я рад это слышать. Но твое сегодняшнее поведение совершенно непростительно.

Его голос понизился до такой степени, что деревянное изголовье моей кровати задрожало от императорской ярости... и разочарования. Я не осмеливалась поднять голову.

– Простите. Я не хотела...

– Ты подготовишь надлежащее извинение для лорда Бу-сиана и его сына, – перебил отец. – Твоя мачеха предложила сшить гобелен, чтобы исправить позор, который ты навлекла на его семью.

Тут уж я подняла взор.

– Но, отец, на это уйдет несколько недель!

– У тебя есть дела поважнее?

– А как же мои уроки? – в отчаянии спросила я. – Мои обязанности, полуденные молитвы в храме...

– Тебе никогда не было дела до твоих обязанностей, – отец оставался непоколебимым. – Отложим их до тех пор, пока не закончишь гобелен. За работу возьмешься немедленно, под присмотром мачехи, и не покинешь дворец, пока он не будет готов.

– Но... – Я увидела, как Хасё покачал головой, и замешкалась. Конечно, он был прав. В данном случае спорить не стоит. Но с языка все равно неосмотрительно сорвались слова: – Но до Летнего фестиваля осталось две недели...

Один из братьев пихнул меня сзади. На этот раз их немое предостережение сработало, и я плотно сжала губы.

Глаза отца смягчились на долю секунды, но затем он строго ответил:

– Летний фестиваль проходит каждый год, Сиори. Тебе полезно понять, что у твоих поступков есть последствия.

– Да, отец, – прошептала я, несмотря на боль в груди.

Фестиваль и в самом деле проводился ежегодно, но это была моя последняя возможность провести его с братьями. Затем мне исполнится семнадцать, и меня выдадут замуж... нет, отошлют жить с будущим мужем.

А я все испортила.

Отец наблюдал за мной, будто ждал, что я начну молить о снисхождении, придумывать оправдания и вообще делать все возможное, чтобы он передумал. Но Кики, трепетавшая под моей ладонью, вынудила меня промолчать. Если ее найдут, последствия будут намного хуже, чем запрет на посещение фестиваля.

– Я был чересчур мягок с тобой, Сиори, – тихо добавил отец. – Поскольку ты младшая из моих детей, я дал тебе слишком много свободы и позволил бегать, как сорванец, в компании братьев. Но ты уже не ребенок. Ты принцесса Кияты, единственная принцесса нашего королевства. Пришло время стать леди, достойной этого титула. Твоя мачеха согласилась помочь тебе.

В животе все сжалось от страха. Мой взгляд переметнулся к мачехе, которая так и не сдвинулась с места у окна. Я совсем забыла о ее присутствии, что кажется невозможным, стоит ее заметить.

Она обладала необычайной красотой, такую поэты увеко-

вечивали в легендах. Моя мать считалась самой прекрасной женщиной в Кияте, и судя по ее портретам, это не преувеличение. Но вполне вероятно, что моя мачеха – самая прекрасная женщина во всем мире.

Поразительные опаловые глаза, губы как бутон розы, блестящие волосы эбенового оттенка, что ниспадали длинным атласным полотном на спину. Но поистине запоминающимся в ее облике был шрам, идущий диагональю по лицу. Любой другой человек попытался бы спрятать его, чтобы не вызывать опасений у окружающих. Но моя мачеха не из таких, и каким-то образом это только прибавляло ей шарму. Она даже не пудрила лицо, игнорируя современные модные тенденции, и не наносила воск на волосы, чтобы придать им лоска. И пусть служанки жаловались, что их госпожа совершенно не пользовалась косметикой, никто не мог поспорить, что ее естественная красота была ослепительна.

Райкама – так называли ее за спиной. Безымянная королева. Давным-давно, когда она жила на своей родине к югу от Кияты, у нее было имя, но знали его только отец и несколько доверенных чиновников. Мачеха никогда его не называла, как и не рассказывала о своей жизни до супружества с императором.

Избегая ее взгляда, я уставилась на свои руки.

– Отец, мачеха, мне искренне жаль, если я опозорила вас. Это не входило в мои намерения.

Отец коснулся моего плеча.

– Я больше не хочу видеть тебя у озера. Лекарь сказал, что ты чуть не утонула. О чем ты вообще думала, убежав из дворца?

– Я... – во рту пересохло. Кики встрепенулась под моей ладонью, словно предупреждая, что правду говорить не стоит. – Да, я... подумала, что увидела зме...

– Она утверждает, что видела дракона, – перебил Андахай таким тоном, который ясно давал понять, что он мне не верил.

– Не во дворце! – воскликнула я. – В Священном озере. Мачеха, доселе хранившая молчание, внезапно напряглась.

– Ты видела дракона?

Ее любопытство застало меня врасплох, и я часто заморгала.

– Я... да.

– Как он выглядел?

Что-то в ее светлых, каменных глазах не позволяло мне, прирожденной лгунье, соврать.

– Маленьким... с изумрудной чешуей и красными, как солнце, глазами. – Следующие слова дались мне с трудом: – Уверена, мне привиделось.

Плечи Райкамы едва заметно опустились. На лице вновь появилось хладнокровное выражение, подобно маске, которую она случайно сняла на мгновение.

– Твой отец прав, Сиори, – мачеха натянуто улыбнулась. –

Тебе не помешает проводить больше времени во дворце и научиться отличать фантазии от реальности.

– Да, мачеха, – пробормотала я.

Удовлетворенный моим ответом, отец что-то прошептал ей и ушел. А вот мачеха осталась. Она единственный человек, чьи эмоции я не могла прочесть. Ее глаза обрамляли крупницы золота – глаза, что сковывали меня льдом. Что крылось в их глубинах, было мне неизвестно: пустота или нерассказанная история?

Когда братья посмеивались над моим страхом перед ней, я всегда говорила: «Меня пугают только ее змеиные глаза». Но в глубине души понимала, что дело в другом.

Хоть Райкама никогда не говорила и не показывала этого, она меня ненавидела.

Я не знала почему. Раньше мне казалось, что все из-за моего сходства с матерью. Отец говорил, что она свет, который озарял его фонарик, императрица его сердца. Когда мама умерла, он возвел храм в ее честь и молился в нем каждое утро. Вполне логично, что мачеха презирала меня за вечное напоминание о ней – этой сопернице, находившейся вне ее досягаемости.

Однако вряд ли причина крылась в этом. Мачеха ни разу не жаловалась, когда отец чествовал мою мать, ни разу не просила называть ее императрицей вместо супруги. Казалось, она просто хотела, чтобы ее оставили в покое. Я часто гадала, не предпочла бы она, чтобы ее звали Безымянной ко-

ролевой, а не официальным обращением – «ваше сиятельство», дань уважения ее красоте и титулу.

– Что у тебя под ладонью? – спросила мачеха. Моя птичка подползла ближе к краю кровати, и я только сейчас поняла, как неуклюже выглядела, пытаюсь прикрыть ее.

– Ничего!

– Тогда положи руки на колени, как подобает принцессе Кияты.

Она выжидающе смотрела на меня, и мне ничего не оставалось, кроме как послушаться.

«Кики, умоляю, не шевелись!»

Стоило поднять руку, как Райкама схватила Кики с одежды. К моему облегчению, та не двигалась. Любой бы подумал, что это обычный кусок бумаги.

– Что это?

– Ничего! – Я резко села. – Просто захотелось сложить птичку из бумаги... пожалуйста, верните ее.

Это было большой ошибкой.

Райкама подняла бровь. Теперь она знала, что Кики много для меня значила.

– Твой отец души в тебе не чает и во всем потакает. Но ты принцесса, а не деревенская девчушка, и слишком взрослая для игр с бумажными птичками. Пришло время понять важность своих обязанностей, Сиори.

– Да, мачеха, – тихо ответила я. – Больше этого не произойдет.

Райкама протянула Кики на ладони. С теплящейся надеждой в груди я подняла руку за птичкой. Но, вместо того чтобы отдать ее, мачеха порвала Кики на кусочки.

– Нет! – воскликнула я и бросилась за ней, но Андахай и Бэнкай придержали меня.

Братья обладали немалой силой, так что сопротивляться не было смысла. Грудь содрогнулась от исполненного горя всхлипа. Для любого человека, не знавшего, как много Кики для меня значила, моя реакция могла показаться чересчур бурной.

Райкама взглянула на меня с непроницаемым лицом: губы поджались, холодные глаза сузились до щелочек. Не произнося ни слова, она стряхнула обрывки Кики на пол и ушла.

Андахай и Бэнкай последовали за ней, но Хасё остался.

Он подождал, пока закроется дверь, и сел на край моей кровати.

– Ты сможешь снова заколдовать ее, чтобы она полетела?

Оживлять Кики никогда не входило в мои планы. Я все-то пыталась сложить птичек из бумаги – журавлей, как на семейном гербе, – чтобы обратиться к богам. Все киятанцы знали эту легенду: если сделать тысячу птичек – из бумаги, ткани или даже из дерева, – они отнесут твое послание на небеса.

На протяжении многих недель я работала над бумажными журавлями в гордом одиночестве. Даже Вандэя не просила о помощи со складками, хотя он лучше всех справлялся со

всяческими головоломками и конструкциями. Кики первая птичка, которая вышла почти идеально. Впрочем, если быть откровенной, она скорее напоминала ворону с длинной шей, чем журавля. Я поставила ее себе на колени и нарисовала красную точку на лбу, – чтобы она больше походила на журавлей, вышитых на моих халатах, – и сказала:

– До чего обидно обладать крыльями и не летать.

Тогда ее бумажные крылышки встрепенулись, и она медленно, неуверенно поднялась в воздух – со всей неуклюжестью птенца, который только учился летать. В последующие недели, после уроков, когда братья были слишком заняты, чтобы навещать меня, я тайно помогала ей тренироваться. Выводила в сад, чтобы она парила среди подрезанных деревьев и каменных святилищ, а по ночам рассказывала сказки.

Я так обрадовалась новому другу, что не задумывалась о последствиях своей магии.

А теперь Кики не стало.

– Нет, – прошептала я, наконец отвечая на вопрос Хасё. – Я не знаю как.

Он глубоко вздохнул.

– Что ж, это даже к лучшему. Не стоит баловаться с магией, которую не можешь контролировать. Если кто-либо о ней узнает, тебя навсегда вышлют из Кияты. – Брат поднял мое лицо за подбородок и вытер слезы. – А если тебя отошлют далеко-далеко от дома, кто же будет присматривать за тобой, сестрица? Кто сбережет твои секреты и придумает оправда-

ния твоим шалостям? Не я, – он грустно улыбнулся. – Так что веди себя хорошо, ладно?

– Меня и так отошлют далеко от дома, – буркнула я и отвернулась от него.

Затем опустилась на колени, собрала клочки бумаги, раскиданные по полу мачехой, и прижала Кики к сердцу, словно это могло вернуть ее к жизни.

– Она была моим другом.

– Это просто бумага.

– Я собиралась загадать желание, чтобы она стала настоящим журавлем, – мой голос дрогнул от комка в горле, взгляд направился к кучке сложенных мною птичек. Почти две сотни, но ни одна из них не ожила, как Кики.

– Только не говори, что веришь в легенды, Сиори, – ласково произнес Хасё. – Если бы тысяча бумажных птичек исполняла желание, то люди только бы и делали, что складывали воробьев, сов и чаек, мечтая о горах риса, золота и о ежегодном хорошем урожае.

Я промолчала. Хасё попросту не понимал. Он сильно изменился, как и все мои братья.

– Я попрошу отца пустить тебя на Летний фестиваль, когда он будет в более благосклонном расположении духа, – он вздохнул. – Это поднимет тебе настроение?

Ничто не могло облегчить мое горе из-за Кики, но я кивнула.

Хасё присел на корточки и сжал мое плечо.

– Может, следующие несколько недель в компании мачехи пойдут тебе на пользу.

Я сбросила его руку. Все и всегда вставали на ее сторону! Даже слуги, пусть они и звали ее Райкамой за спиной, никогда не отзывались о ней плохо. Как и мои братья. Или отец. Особенно отец.

– Я никогда ей этого не прощу. Никогда.

– Сиори... наша мачеха не виновата в произошедшем.

«Ты виновата», – так и слышалось в его словах, хотя Хасё хватило ума не произносить их вслух.

Это правда, но я не собиралась ее признавать. Что-то во взгляде мачехи, когда она узнала о моей встрече с драконом, вызвало у меня дрожь по телу.

– Ей наверняка нелегко жить вдали от дома. Здесь у нее нет ни друзей, ни семьи.

– У нее есть отец.

– Ты знаешь, что я имел в виду, – брат сел, скрестив ноги. – Помирись с ней, ладно? Как минимум это облегчит мне задачу. Нужно же уговорить отца пустить тебя на фестиваль.

Я стиснула зубы.

– Хорошо, но я не собираюсь с ней разговаривать.

– К чему эти капризы? – не унимался Хасё. – Она любит тебя.

Я повернулась к брату, посмотрела на морщинку между его бровей, на дергающийся левый глаз. Верные признаки того, что моя несговорчивость уже утомила его.

– Ты мне не веришь, не так ли? – тихо произнесла я. – Насчет дракона.

Хасё слишком долго медлил с ответом:

– Конечно же, верю.

– Нет. Мне шестнадцать, я уже не ребенок и знаю, что видела.

– Что бы ты ни видела, забудь об этом, – настоятельно порекомендовал он. – Забудь о Кики, о драконе, обо всем, что ты сделала, чтобы заварить эту кашу.

– Ничего я не делала! Это просто случилось.

– Помиришься с мачехой, – твердо повторил Хасё. – Она наша мать.

– Не моя, – отрезала я, но мой голос дрожал.

Раньше она и для меня была как мать. Много лет назад, когда отец привез ее домой, я первой приняла Райкаму. Тогда она любила меня. Я повсюду бегала за ней хвостиком – хотела разузнать все об этой загадочной женщине.

«Откуда у вас этот шрам? – однажды спросила я. – Почему вы не выберете себе имя?»

Она улыбнулась, погладила меня по голове и поправила мой пояс, завязав его в аккуратный, тугой бант.

– У всех есть секреты. Когда-нибудь, Сиори, у тебя появятся свои.

Магия. Вот что стало моим секретом.

А что же скрывала она?

Глава третья

Я ненавидела шить. Ненавидела монотонность этого занятия, ненавидела иглы, нити, стежки, все это. Еще и пальцы себе исколола! Служанкам пришлось обмотать их, из-за чего они выглядели толстыми, как пельмешки. Я даже заскучала по урокам. Почти.

Дни ползли медленнее, чем улитки, собиравшиеся за бумажными окнами. Я вышивала журавля за журавлем, тратила на них столько времени, что они начали являться мне во снах. Они щипали меня за ноги, сверкая черными, как зола, глазами, а затем неожиданно превращались в драконов с острыми зубами и лукавыми ухмылками.

Дракон не покидал мои мысли... как и выражение лица Райкамы, когда Андахай упомянул о нем. Будто она жалела, что я не утонула в озере.

Кто знал, что происходило в голове моей мачехи? Ее швейные навыки тоже были весьма скромными, но, в отличие от меня, она могла сидеть неподвижно часами. Порой я ловила ее на том, что она слепо смотрела в небо. Интересно, о чем она думала днями напролет? Если, конечно, ее вообще посещали какие-либо мысли.

Я старательно игнорировала ее, но стоило совершить ошибку на гобелене, как она тут же подходила и говорила: «Сиори, у тебя неровные стежки. Лучше их переделать» или

«Этому журавлю недостает глаза. Леди Бусиан непременно заметит».

Слава Вечным дворам, ее замечания никогда не требовали ответа, во всяком случае, до сегодняшнего дня. Она подошла ко мне со странным вопросом:

– Тот золотой пояс, который тебе подарил на церемонию обручения лорд Юдзи... ты знаешь, где он?

Я пожала плечами.

– Должно быть, упал в озеро вместе со мной.

Райкаму такой ответ не устроил. Она не злилась и не хмурилась, просто расправила плечи, но я видела, что ей не это хотелось услышать.

– Как найдешь его, принеси мне.

Я соврала, что непременно так и поступлю. А как только мачеха ушла, мигом забыла о поясе.

В утро Летнего фестиваля дети и взрослые прогуливались по императорской набережной, сжимая в руках воздушных змеев всех форм и оттенков.

Мне очень хотелось присоединиться к ним. Это был единственный день, когда Андахай позволял себе расслабиться, Бэнкай не тренировался, чтобы стать достойным команди-

ром, а Рэйдзи и Хасё не сидели на уроках с наставниками.

Даже близнецы Вандэй и Ётан – разные, как солнце и луна, из-за чего вечно находили повод для споров – никогда не ссорились в день фестиваля, а объединялись, чтобы соорудить лучшего воздушного змея. Все семеро из нас прилагали к этому руку, и когда он взлетал на небеса, то становился предметом зависти всех придворных.

А сколько кулинарных шедевров я пропущу! Печенье в форме кролика с начинкой из сладкой бобовой пасты, шпажки с рисовыми пирожными, начиненными свежими персиками или дыней, леденцы в форме тигров и медведей. До чего несправедливо, что я должна торчать во дворце и шить с Райкамой!

Наконец мой желудок не выдержал этих истязаний, и я отважилась спросить:

– Мачеха, фестиваль уже начался. Можно я пойду? Пожалуйста?

– Можно, как только закончишь гобелен.

Но это произойдет не раньше, чем через месяц!

– К тому времени он пройдет.

– Не куксись, Сиори. Это неподобающе для принцессы, – мачеха не отрывала взгляда от иглы, что ныряла и выныривала из ткани. – У нас с твоим отцом уговор.

Я возмущенно скрестила руки. И ничего я не куксилась!

– Разве вам самой не хочется пойти?

Она повернулась и открыла сундучок с набором для ши-

тъя. Внутри лежали сотни аккуратных клубков нити, пряжи и мулине.

Райкама принялась убирать использованные мотки.

– Я никогда подобным не увлекалась и посещаю их только из чувства долга.

За окном гремели барабаны и звенел смех. К утреннему небу спиралью поднимался дым от жаровен, внизу плясали дети в пестрых нарядах, на фоне облаков парили первые воздушные змеи.

И как только это может не нравиться?!

Я села обратно в уголок, смирившись со своей участью. Братья, несомненно, принесут лучшие лакомства, но мне не удастся поговорить с приезжими поварами и понаблюдать за их работой. Единственное блюдо, которое мне удалось освоить, это мамин рыбный суп, но в мои задачи будет входить готовка – или, по меньшей мере, руководство кухней, – как только я перееду на Север, регион самой безвкусной стряпни.

Я так замечталась о фестивале, что даже не заметила, что в комнату вошел отец. При виде него мое сердце пропустило удар.

– Отец!

– Я пришел пригласить свою супругу на фестиваль, – сказал он, игнорируя мое присутствие. – Она готова?

Мачеха встала, прижимая сундучок с нитями.

– Одну минуту, только позволь мне вернуть его на место.

Она скрылась в соседней комнате, а отец повернулся ко мне со строгим видом. Я тут же состроила виноватое лицо, надеясь, что он сжалится надо мной.

Это сработало, но его слова меня удивили:

– Твоя мачеха говорит, что ты хорошо справляешься с го-
беленом.

– Правда?

– Считаешь, что она тебя недолюбливает, – наблюдатель-
но подметил отец и пристально посмотрел на меня. Его глаза
были почти зеркальным отражением моих.

Когда я промолчала, он вздохнул.

– У твоей мачехи была трудная жизнь, и ей больно гово-
рить о прошлом. Мне было бы очень приятно, если бы ты
пересмотрела свое мнение о ней.

– Да, отец. Я постараюсь.

– Отлично. Осенью Бусианы вернутся на свадьбу Анда-
хая, тогда и принесешь им свои извинения. А сейчас иди
и наслаждайся фестивалем.

– Правда? – мои глаза загорелись.

– Я надеялся, что время, проведенное в четырех стенах,
утихомирит тебя, но вижу, что твой вольный дух ничем не
усмирить, – он коснулся моей щеки, обводя пальцем ямочку,
которая всегда показывалась в моменты счастья. – С каждым
днем ты все больше похожа на свою мать, Сиори.

Я бы поспорила. Лицо у меня было слишком круглым,
нос – слишком острым, улыбка скорее озорная, чем добрая.

Я не могла похвастаться маминой красотой.

Однако всякий раз, когда отец упоминал ее, его глаза затуманивались, и мне отчаянно хотелось узнать о ней больше. Увы, как правило, мои надежды не оправдывались.

Тихо вздохнув, он убрал руку и сказал:

– Ступай.

Мне не нужно было повторять дважды. Я помчала на поиски братьев, подобно птице, которую наконец-то выпустили из клетки.

К моему прибытию на Летнем фестивале уже развлекались сотни людей, но я с легкостью нашла братьев. Они отдыхали в парке, вдали от ухоженных павильонов, красных ворот и гипсовых площадей. В этом году близнецы сделали великолепного воздушного змея в виде черепахи, остальные братья помогали нанести краской завершающие штрихи.

Из панциря черепахи торчали четыре лапы, сшитые из обрезков старых шелковых шарфов и курток. На фоне ясно-голубого полуденного неба она будет смотреться так, будто плывет по лазурным прудам императорского сада.

Я поспешила к ним. С самого детства каждый Летний фестиваль мы запускали воздушного змея вместе, как семья.

Теперь мои братья достигли брачного возраста, Андахай уже был помолвлен, остальных ждала та же участь. Это была наша последняя возможность провести праздник вместе.

– В этом году вы превзошли самих себя, братья! – крикнула я.

– Сиори! – Вандэй кинул на меня мимолетный взгляд, держа в руках ленту для финальных замеров змея. – Тебя все-таки пустили. И как раз вовремя! Ётан чуть не съел всю еду, которую мы приберегли для тебя.

– А чего ей зря пропадать? – Ётан вытер зеленую краску с рук. – Говоришь так, будто я обжора.

– Нет, обжора у нас Сиори. А у тебя просто пузо большое. Ётан фыркнул.

– Ничего подобного! Большие у меня только уши. Такие же, как у тебя, кстати, – он дернул брата за уши. Близнецы действительно были немного лопухими.

Я подавила смешок.

– Так что, у вас осталось еще что-нибудь вкусное?

Ётан показал на поднос с едой с прилавков.

– Все лучшее уже съели. – Он подмигнул, наклонился ко мне и показал под плащом заначку с пирожными из клейкого риса. – Тс-с-с, только не говори остальным. Мне пришлось подкупить продавца, чтобы забрать последнюю тарелку.

Я тоже ему подмигнула, закидывая пирожное в рот. И чуть не растаяла от вкуса мягкого рисового теста на языке, от умеренной сладости сахарной пудры, припорошившей

мне губы... Прежде чем Ётан успел спрятать десерт, я жадно потянулась за добавкой.

– Оставь нам хоть немного! – жалобно попросил Рэйдзи.

– Я же только пришла, – возразила я, хватая еще одно пирожное. – А у вас был целый день, чтобы насладиться кулинарными изысками.

– Некоторые из нас трудились над воздушным змеем, – раздраженно ответил он. Как обычно, ноздри моего третьего по старшинству брата недовольно раздулись. – Да и раз уж на то пошло, довольствоваться тут особо нечем. Нет ни пирожных в форме обезьян, ни жареных рыбных шариков. Даже художники карамелью не так хороши, как в прошлом году.

– Дай ей спокойно поесть, – подал голос Бэнкай. – Вечно ты находишь повод для нытья!

Пока братья спорили между собой, я насыщалась в свое удовольствие. Мое внимание привлекло озеро за магнолиями – то самое, где я чуть не утонула и увидела дракона.

В глубине души мне очень хотелось поискать его.

– Пойдем. Нужно спешить, пока все самое вкусное не разобрали, – сказал Хасё.

– Возьмете еще жареной рыбы? – крикнул Ётан.

Остальные братья решили остаться, чтобы помочь близнецам с воздушным змеем. До конкурса оставалось полчаса, но нам с Хасё вполне хватит этого времени на прогулку по фестивалю.

Между нами с визгом протискивались дети в масках, спе-

шащие к шатрам, где разыгрывали фарфоровых кукол и серебряных рыбок в стеклянных банках. В их возрасте меня тоже больше всего прельщали игры, но теперь я отдавала свое предпочтение еде.

Я вдохнула аромат жареной скумбрии, чайных яиц, креветок в кляре, ферментированных бамбуковых побегов и стеклянной лапши в арахисовом соусе. Для такой обжоры, как я, – это просто рай!

– Принцесса Сиори! – наперебой звали торговцы. – Спасибо, что почтили мой скромный прилавок своим присутствием.

– Не пора ли нам возвращаться? – спросил Хасё после того, как я в два счета умяла порцию лапши и креветок в кляре. – Конкурс скоро начнется.

Отец с Райкамой уже направлялись к центральному двору, где ежегодно проводился конкурс на лучшего воздушно-го змея. Лорд Юдзи помахал нам по пути к императору.

– Ну надо же, Сиори, с каждым днем ты все больше похожа на мать! – мило поприветствовал он меня. – Юному Таккану Бусиану действительно повезло.

– Ой ли? – хмыкнул Хасё. – Красота красотой, но ее манеры...

Я ткнула брата локтем.

– Помолчи!

Военачальник гортанно рассмеялся. Своими острыми плечами, маленькими зубками и веселой улыбкой он напо-

минал мне лису.

– Северу не помешает немного взбодриться, а принцесса Сиори славится своим мятежным нравом, – он сложил руки, а затем показал на мое платье: совершенно неказистое по сравнению с его роскошным халатом. – Слышал, ты недавно упала в Священное озеро и потеряла шелковое платье, которое стоило твоему отцу целое состояние.

– Было такое, – ответила я немного напряженным тоном. – Боюсь, я также потеряла пояс, который вы подарили. Полагаю, он тоже был весьма ценным, судя по тому, как огорчилась моя мачеха.

– В самом деле? – изумился лорд Юдзи. – Впервые об этом слышу. Впрочем, не стоит волноваться, ваше высочество, пояс легко заменить. Мы с сыновьями благодарны богам, что ты нашлась и вернулась домой в целости и сохранности, – он подался ближе. – Хотя, между нами говоря, скоро ко мне должна прийти партия шелка от аландийских друзей... мне говорили, что красный – твой любимый цвет?

– Он больше всех привлекает богов, – дерзко улыбнулась я. – Раз меня отправят на Север, мне потребуется все их внимание.

Он снова рассмеялся.

– Тогда да прибудет с тобой драконья удача! Красный так красный.

Он ушел, и из меня вырвался вздох. Лорд Юдзи был щедрым и богатым, но, что важнее, его замок находился совсем

рядом с Гиндарой. Если уж меня так необходимо кому-то сосватать, то лучше бы кому-то из его сыновей, а не Бусиану! По крайней мере, тогда бы я жила рядом с домом... и не с каким-то варварским лордом третьего звена.

«Подобные союзы необходимы, – говорил отец всякий раз, когда я осмеливалась озвучить свое недовольство. – Однажды ты поймешь». Нет, не бывает этому.

От всей этой несправедливости у меня скрутило живот, и я закинула в рот последнее рисовое пирожное.

– Не ешь так быстро, не то получишь несварение желудка, – упрекнул Хасё.

– Если замедлюсь, то все самое вкусное разберут, – возразила я с полным ртом. – Кроме того, шитье забирает столько энергии... Но ты иди, я знаю, что тебе хочется посмотреть, как Вандэй запустит змея. Я еще не наелась.

Не дожидаясь ответа, я пошла вдоль ряда к рисовым пирожным. Там уже стояла свежая партия, аккуратно выложенная в большом деревянном горшочке.

– Специально для принцессы Сиори, – сказал торговец.

Я взяла ее в руки и подхватила под мышку мешочек со сладким картофелем. На полпути к братьям мне попался на глаза мальчишка в маске дракона, притаившийся за прилавком с жареной рыбой.

Его халат уже отжил свое, пояс казался великоватым, будто достался ему от кого-то из старших, сандалии были от разных пар. Он выглядел слишком высоким для ребенка, но это

не мешало ему по-ребячески носиться по фестивалю – или, скорее, воровато, словно его не должно здесь быть. Но самым странным в его облике были волосы, отливавшие зеленым.

До конкурса оставалось всего ничего, и братья наверняка меня уже заждались. Но мне хотелось взглянуть поближе на маску мальчишки – синюю, с серебряными усами и алыми рогами.

Он быстро, подобно ящерке, юркал между шатрами и так алчно набрасывался на еду, что на его фоне даже я не казалась такой уж обжорой.

Все на прилавках было бесплатным, таким образом ремесленники продвигали свой товар. Но брать больше одной или в крайнем случае двух тарелок зараз считалось невежливым. Этот же мальчишка брал по меньшей мере пять. Каким чудом ему удавалось удерживать их на руке, одним богам известно, но если он продолжит в том же духе, торговцы прогонят его в шею. А он как раз тянулся к жареному корню лотоса.

Я покачала головой. Сразу видно, новичок!

– Я бы не советовала брать лотос, – сказала я, подходя к нему. – Все знают, что это худшее блюдо на фестивале.

Я думала, что застану его врасплох, но он просто подмигнул мне. Его алые глаза игриво сверкнули за маской.

– Тогда я заберу твое.

Не успела я ответить на подобную наглость, как меня наконец нашел Хасё.

– Сиори, ты собираешься идти к нам? Церемония уже почти нача...

Мальчик внезапно выставил ногу, и Хасё споткнулся, так и не закончив предложение. Падая, он схватился за меня для равновесия. В этот момент перед глазами промелькнул зеленый рукав, и мешочек со сладким картофелем выхватили у меня из-под руки.

– Эй! – воскликнула я. – Вор! Вор!..

Мои крики резко оборвались. Мы с Хасё свалились на землю, и мои недоеденные тарелки разлетелись по улице.

– Ваши высочества! – запричитали люди. Кто-то помог нам встать, вокруг уже собиралась толпа, желающая удостовериться, что мы целы.

Но я ничего этого не замечала. Все мое внимание было приковано к мальчику в маске.

– Нет уж, так легко ты не уйдешь, – буркнула я, рыская взглядом над толпой, и заметила, как он прокрался за игровыми шатрами и скрылся в кустах.

Он двигался даже быстрее и ловчее Бэнкая, не оставляя ни следа на мягкой летней траве. Я пошла было за ним, но Хасё схватил меня за запястье.

– Сиори, ты куда?..

– Я вернусь к конкурсу! – бросила я и вырвалась из его хватки.

А затем, игнорируя возражения брата, побежала за мальчиком в маске дракона.

Глава четвертая

Он сидел на камне и поглощал мой мешочек со сладкой картошкой в меду.

Ее аромат витал в воздухе, обостряя мое чувство голода – и злость, от которой сжались кулаки.

Я собиралась обвинить его в воровстве, осыпать сотней разных ругательств и проклясть его душу, которую непременно ждало заточение на самом дне горы Нагави! Но стоило увидеть его вблизи, как с языка сорвались совсем другие слова:

– Не слишком ли ты взрослый для масок?

Казалось, мальчика ничуть не удивило и даже не разозлило, что я последовала за ним. Его губы расплылись в знакомой ухмылке, но где же я ее видела?

– Что это? – прохрипел он, показывая на деревянный горшочек у меня в руках.

– Рисовые пирожные.

Он забрал ее и, сняв маску, принялся поедать десерт так, что только за ушами трещало.

– Вку-у-усно!

Я уже собралась выбить горшочек из его ладоней, как вдруг заметила ярко-алые ободки вокруг его зрачков – таких знакомых и в то же время абсолютно чужих. Их вид настолько меня ошарашил, что я смиловилась.

– Только не ешь все...

Поздно. Что картофель, что пирожные – все было съедено. Я уперла руки в бока и раздраженно воззрилась на него-
дя.

– Что? – мальчик дернул плечами. – Я плавал весь день, это раззадоривает аппетит.

Я уставилась на густые зеленые локоны, что всколыхнулись у его висков. Никогда не видела такого оттенка, даже у светловолосых торговцев, что путешествовали с Дальнего Запада. Его бледная кожа странно переливалась перламутром. Я не могла решить, чудной он или красивый. Быть может, даже опасный.

Или все вместе.

– Ты... ты дракон! Я видела тебя в озере!

– Значит, мозги у тебя все же имеются, – он усмехнулся. – Я просто засомневался после того, как ты упала в воду.

Я злобно на него посмотрела.

– Я не упала, а прыгнула!

– И все ради той птички, если мне не изменяет память. Зачарованной птички.

Напоминание о Кики испортило мне настроение. Я стряхнула крошки с рукавов и отвернулась от озера.

– Ты куда?

– На фестиваль. Меня ждут братья.

Мальчишка мгновенно оказался рядом и, потянув за рукав, усадил меня на камень.

– Так быстро? – он цокнул языком. – Я нашел птичку и спас тебя. И где твоя благодарность? Останься ненадолго, развлеки меня.

– Развлечь тебя?! Для этого есть фестиваль.

– Это все человеческие забавы, мне они неинтересны.

– Ты и сам-то непохож сейчас на дракона.

Это правда. В нынешней ипостаси он выглядел юношей немногим старше меня. Только с зелеными волосами, рубиновыми глазами и острыми, как когти, ногтями.

– *Как ты стал человеком?*

– Это под силу любому дракону, – ответил он, широко улыбнувшись. Затем сдул челку с глаз. – Но раньше я никогда не обращался в человека. Всегда считал людей скучными.

Я скрестила руки.

– А я всегда считала драконов величественными, внушительными созданиями. Но ты был не крупнее угря.

– Угря?! – Я думала, что разозлила его, но мальчик залился смехом. – Это потому, что я еще не вырос до своего нормального размера. Когда это произойдет, уверен, я превзойду твои ожидания.

– И когда же? – спросила я, не в силах сдержать любопытство. Вся информация о драконах была доступна мне из легенд и сказок, а в них мало что говорилось об их юности.

– Очень скоро. Я бы сказал, через год по человеческим меркам. Ну, максимум через два.

– Действительно, скоро, – я шмыгнула. – Что-то не верится, что можно *настолько* вырасти за год.

– Неужели? Что ж, давай заключим пари.

Я подалась вперед. Братья обожали спорить друг с другом, но никогда не позволяли мне поучаствовать.

– Какое пари? Драконы славятся тем, что не умеют держать слово.

– Мы всегда держим слово, – процедил он. – Поэтому и даем его крайне редко.

Я многозначительно на него посмотрела.

– Что предлагаешь?

– Если я выиграю, ты пригласишь меня в свой дворец и приготовишь банкет в мою честь. Я ожидаю не менее тысячи блюд, и там должны присутствовать все важные лорды и леди.

– Я умею готовить лишь одно блюдо, – призналась я.

– Ну, ничего, у тебя впереди весь год, чтобы научиться.

Я не стала давать никаких обещаний.

– Если я выиграю, то ты отведешь меня в свой дворец и устроишь пир в мою честь. Правила те же.

Его улыбка потускнела, и он нервно провел рукой по длинным зеленым волосам.

– Неуверен, что дедушка это одобрит.

– Все по справедливости. Думаешь, мой отец обрадуется, если я приведу дракона на ужин?

– Обрадуется? Да он должен быть польщен!

«Польщен?!» Я резко втянула воздух.

– Никто не смеет говорить так об императоре.

– Это правда, – мальчишка пожал плечами. – Люди почитают драконов, не наоборот. С тем же успехом я могу привести свинью на ужин.

– Свинью! – я вскочила на ноги. – Я не свинья!

– Ладно, ладно, успокойся, Сиори, – он рассмеялся и потянул меня обратно на камень. – По рукам.

Я фыркнула.

– Раз уж на то пошло, это Кията, а не Аланди, и мой отец не стал бы почитать дракона. Он презирует магию... – тут я запнулась. – А откуда ты знаешь мое имя?

– Его назвал тот парень на фестивале. Прямо перед тем, как я поставил ему подножку.

– Это был мой брат!

– Ага, похож на зануду. Разве ты не рада, что побежала за мной, вместо того чтобы уйти с ним?

Я окинула его испепеляющим взглядом.

– Назови свое имя.

Дракон улыбнулся, показывая острые зубы.

– Я Сэрю, принц Восточных морей и любимый внук Надзаюна, короля драконов, правителя Четырех морей и Небесных вод.

Я закатила глаза. До чего самодовольный! Но в эту игру могут играть двое.

– Сиориамма, – надменно произнесла я, хотя ему и так

было известно мое имя. – Первая дочь императора Ханрю и любимая принцесса Кияты – королевства Девяти вечных дворов и Святых незыблемых гор.

Казалось, это развеселило Сэрю.

– Значит, твой отец презирает магию? Что же он подумает о тебе?

Я смущенно заерзала.

– А что я? У меня... нет магии. Во всей Кияте нет магии.

– В Кияте она редкость, – поправил меня Сэрю. – Разумеется, не считая богов и драконов. Да, ее источники иссякли, но это природный элемент мира, и даже богам не по силам стереть всю магию без следа. Поэтому раз в сто лет рождается киятанец с даром использовать то, что от нее осталось. Человек – как ты. Даже не отрицай. Я видел твою бумажную птичку.

Я с трудом сглотнула.

– Кики больше нет. Моя мачеха... уничтожила ее.

Сэрю показал на карман, в котором лежали ошметки Кики.

– Ты можешь ее вернуть.

Он произнес это так буднично, что я часто заморгала и открыла рот от удивления. С такой же легкостью я могла похвалить повара за идеально обжаренные креветки или хорошо пропеченный батат.

– Могу? Нет. Нет, – я помотала головой. – С магией покончено.

– Как, разве ты не хочешь стать всемогущей чародейкой? – он понизил голос. – Или боишься, что магия очернит тебя и превратит в демона?

– Нет, – отрезала я. Затем со вздохом процитировала: – Без магии в Кияте безопаснее. Нет магии – нет демонов.

– Ты же знаешь, что находится в Святых незыблемых горах?

– Само собой.

Горы располагались прямо за дворцом, так что я видела их каждый день.

– Тысячи и тысячи демонов, – заговорщически прошептал Сэрю, – и вся магия, которую заперли драконы по просьбе твоих богов. Твой император должен почитать созданий, что помогли обезопасить его королевство. Что охраняют его.

– Кияту охраняют боги и стражи, – возразила я. – Драконы азартны и только и делают, что копят свой жемчуг.

– Вот что вам нынче рассказывают? – Сэрю хихикнул. – Не учи дракона истории, принцесса, особенно истории магии.

– Не учи человека о наших богах, – парировала я. – Тебе вообще позволено здесь находиться? Боги поклялись остаться на небесах после того, как забрали всю магию из Кияты. Разве драконы не обещали придерживаться своих озер?

– Морей, – поправил Сэрю. – Мы живем в море Тайцзинь, в мерцающем царстве ракушек и бесценных кораллов, а не в каком-то грязном озере. И драконы не подчиняются зако-

нам богов. Никогда такого не было.

– Тогда почему вы исчезли?

– Потому что в вашем королевстве ужасно скучно. Да ты бы сошла с ума от вида роскошного дворца моего деда!

– Сомневаюсь, – сухо ответила я.

– Не узнаешь, пока не победишь в нашем споре, – он вскинул густую бровь.

– Если я выиграю, ты найдешь какой-то способ обхитрить меня и оставить в своем «мерцающем царстве» на сотню лет! Не зря у вас, драконов, такая репутация.

Сэрю ухмыльнулся, ничего не отрицая, а я развернулась, чтобы уйти.

– Найди себе другого дурака для споров. Я на это не поведусь.

– А что насчет твоей магии? Это редкий дар, тем более для Кияты. Тебе бы научиться им пользоваться...

– Чтобы меня изгнали в Святые горы? – огрызнулась я, поворачиваясь к нему лицом. – Демоны меня побери, да лучше... уж лучше шить весь день! И больше не преследуй меня.

– Это пустые слова, – возразил Сэрю. – Если бы ты в самом деле собиралась на фестиваль, то уже давно сбежала бы к братьям. Ты хочешь учиться, – он помедлил. – Я покажу, как воскресить твою подругу Кики. Хочешь?

Вся моя защита рухнула. Я действительно хотела вернуть Кики и узнать больше о магии. В конце концов если она так

долго отсутствовала в Кияте, то должна быть какая-то причина, по которой я родилась с этим даром... ведь так?

«Боги забрали всю магию, потому что она опасна, — напомнила я себе. — Но демоны уже заперты в горах, а я всего лишь хочу узнать, как вернуть Кики. Какой от этого вред?»

Перед глазами промелькнуло мое будущее: я заперта в замке Бусианов, замужем за безликим лордом, заключенная в комнате, где буду шить до конца своих дней.

Если уж выбирать между этим и демонами, то лучше второе.

«Кроме того, как часто выпадает шанс поучиться волшебству у дракона?» Я знала, что, если не воспользуюсь им, то буду вечно об этом жалеть.

Сэрю по-прежнему ждал ответа, но не успела я и рта раскрыть, как в небо взмыли воздушные змеи. Я пропустила церемонию!

— Тамбуские демоны! — выругалась я. — Ох и разозлятся на меня братья... А отец...

— С этим уже все равно ничего не поделаешь, — рассудил дракон. — Так что наслаждайся видами.

Заманчиво, конечно, но я помотала головой.

— У меня и так проблем по уши.

Я начала уходить, но потом замешкалась.

— Один урок. На этом все.

Дракон улыбнулся шире, показывая острые зубы. Выглядели они не так свирепо, как, допустим, у волка, но зато на-

помнили, что передо мной вовсе не человек, как бы он ни походил на мальчика.

– Прежде чем ты уйдешь, вот тебе первый урок... – Сэрю взял деревянный горшочек и покрутил его на пальце. – Ты знала, что у орехового дерева есть магические свойства?

Я призналась, что нет.

– Это один из крошечных следов, что оставили твои боги, – самодовольно объяснил он. – Положи внутрь что-то зачарованное, и орех скроет предмет от любопытных глаз. Он даже может хранить в себе магию.

– И какой в этом прок? Этот горшочек не крупнее моей головы.

– Когда дело касается магии, размер не имеет значения, – он подмигнул.

В качестве демонстрации из горшочка вылетела стая птиц, полностью сотворенных из воды, и устремилась к озеру. Достигнув высшей точки, они рассыпались брызгами и испарились в клубах тумана.

– Пригодится, чтобы скрыть будущее полчище бумажных журавликов.

Я собралась ответить, что не будет никаких полчищ, но Сэрю продолжил:

– Когда будешь готова, сложи журавля и отправь его по ветру. Тогда я буду ждать тебя у озера, – он перевернул горшочек на земле, отмечая место сегодняшней встречи, чтобы мы не забыли его. – И последнее, Сиори...

– Что еще?

– В следующий раз принеси больше рисовых пирожных.

Один урок быстро превратился в два, три, пять. Я встречалась с Сэрю каждую неделю – как правило, утром, перед шитьем с Райкамой.

У меня всегда были при себе разные лакомства, но он неизменно отдавал предпочтение рисовым пирожным, особенно моим любимым – с персиковой начинкой.

Сегодня Сэрю встретил меня с букетом увядших пионов.

– Ты пытаешься очаровать меня или оскорбить? – сухо поинтересовалась я, отказываясь брать букет в руки. – Ты же знаешь, что киятанцы суеверны в отношении смерти.

– Бессмысленные предрассудки, – отмахнулся он. – Это для урока. Мало кто может оживить бумажных птичек. Я подозреваю, что у тебя дар вдохновения.

– Вдохновения?

– Ты можешь вдохнуть в предмет частичку своей души. Это сродни воскрешению, хотя по могуществу им не сравниться. Ты не будешь оживлять трупы или призраки, раз уж на то пошло. Но, пожалуй, тебе по силам заставить стул плясать на ножках или спасти парочку увядших цветов... если

пожелаешь.

Он всучил мне букет.

– Ну же, попробуй.

«Я могу вдохнуть в предмет частичку своей души», – повторила я про себя. Что это вообще значит?

– Цветите, – приказала я пионам. Ничего не произошло. Листья смялись в моих ладонях, сухие лепестки полетели на землю.

Сэрю принялся жевать стебель травы.

– Ты что, не слышала меня? Вдохновение, Сиори! Не разговаривай с цветами так, будто ты могильщик. Подумай о чем-то, что приносит счастье. К примеру, о погоне за китами или выигранном споре у черепахи.

Очевидно, что у нас было разное представление о счастье. Чувствуя себе невероятно глупо, я порылась в памяти, перебирая мысли о леденцах в форме животных, воздушных змеях, бумажных птичках и припорошенных снегом журавлях. А затем нашла свое любимое воспоминание: о том, как мы с мамой готовили на кухне. Она пела, а я сидела у нее на коленях и чувствовала затылком вибрацию ее горла. Мы вместе чистили апельсины и давили мягкую красную фасоль в пасту для десерта.

«Найди свет, который озарит твой фонарик, – говорила она. – Держись за него во что бы то ни стало, даже когда вокруг сгущается тьма. Его пламя не задует даже сильнейший ветер».

– Цветите, – снова приказала я.

И мало-помалу, прямо у меня на глазах увядшие пионы затрепетали от чистого серебристо-золотого света. Из стеблей выросли новые зеленые и упругие листья. Цветы раскрылись, являя яркие, как кораллы, лепестки.

В голове загрохотал пульс, в крови бурлил адреналин, словно я только что участвовала в заплыве по озеру – и победила.

– Произносить приказ вслух считается жульничеством, но, если пойдешь в школу чародеев, тебя быстро от этого отучат.

– Я не собираюсь ни в какую школу чародеев, – ответила я с горечью, которая удивила даже меня. О какой школе могла быть речь? Мысли о том, что отец в самом деле изгонит меня – или даже казнит, – если узнает о моем даре, не давали мне спать по ночам.

– Тогда я сам тебя научу, – предложил Сэрю. – Может, мне всего семнадцать лет по драконьим меркам, но я знаю больше, чем старейшие чародеи Лорьяна!

– Да неужели.

– Правда! – услышав нотки скептицизма в моем голосе, он недовольно на меня посмотрел. – Тем более что учиться у чародеев – себе дороже. Все они заиклены на идее, что магия и эмоции несовместимы. Думают, будто это их оскверняет. Но тебе же понравились ощущения, которые у тебя возникли, когда эти цветы ожили, не так ли?

– Да. – И это еще мягко сказано. Мое сердце по-прежнему колотилось так быстро, что я не слышала собственного дыхания. – А что, так не должно быть?

– Зависит от того, чего ты пытаешься достичь. – Сэрю перевел алые глаза на пионы, и у него сделался несвойственный ему задумчивый вид. – У магии множество вариаций. Одни и те же чары могут иметь совершенно разный эффект, в зависимости от того, накладывали ли их с радостью, грустью, злостью... или страхом. Это стоит держать у себя в голове, особенно с такой силой, как у тебя.

– Силой? – я рассмеялась, стараясь разрядить обстановку. – Какой, оживлять увядшие цветы и бумажных птичек?

– Это только начало. Твоя магия необузданная, Сиори. Однажды она станет опасной.

– Опасной, – протянула я. – Ну и ну! Сэрю, складывается впечатление, что ты боишься меня.

– Боюсь? Тебя?! – Он фыркнул и, взмахнув рукой, вызвал такую высокую волну, что она закрыла деревья вокруг нас. Затем вода рухнула вниз, врезаясь в озеро... и намочила мне халат.

– Сэрю!

Тот и не думал извиняться.

– Не забывай, что я дракон, внук бога, – прорычал он, прежде чем прыгнуть в озеро. – Я ничего не боюсь, и уж тем более тебя.

«Я ничего не боюсь». Как часто я произносила эти слова.

Но они всегда были ложью, и что-то мне подсказывало, что Сэрю тоже врал.

Глава пятая

– Где ты была? – спросила Райкама, когда я вернулась к работе над гобеленом. – Уже третий день опаздываешь! Это странно даже для тебя, Сиори. Надеюсь, впредь ты будешь более ответственно относиться к своим обязанностям.

– Да, мачеха, – пробормотала я.

Гобелен был почти готов к отправке в замок Бусианов. Мне не терпелось поскорее покончить с ним и вновь обрести свободу.

Вот только, сев за пяльцы, я обнаружила, что весь мой недельный труд был сведен на нет.

– Что... – ахнула я.

– Твои линии были кривыми, – объяснила Райкама, – и ты пропустила черточку в имени Таккана Бусиана. Лучше все переделать, чем рискнуть оставить так и снова оскорбить его семью.

Я стиснула зубы, внутри все вскипело от злости. «Спокойствие, – напомнила я себе на выдохе. – Только спокойствие».

Такими темпами придется дошивать гобелен уже в замке Бусианов! Из меня вырвался стон. Если бы только можно было зачаровать иглу, чтобы она шила за меня...

А впрочем, почему бы и нет?

– Проснись, – прошептала я. – Помоги мне шить.

К моему изумлению, игла ожила и неловко вонзилась

в шелк. Но чем больше я верила в эти чары, тем увереннее та двигалась, и вскоре заплясала по пяльцам в симфонии стежков. Я оживила еще три иглы, чтобы ускорить процесс, и сама не отлынивала. Райкама видела только мою спину, так что ничего не заметила.

Так мы и трудились всю неделю, пока наконец гобелен с журавлями и лепестками магнолии на фоне полной луны не был готов. Я собрала иглы и прошептала:

– Спасибо. Ваша работа выполнена.

Те безжизненно упали на ладонь, и внезапно меня одолела сонливость. Встряхнувшись, я с победной улыбкой отошла от пяльцев и объявила мачехе, что дошила гобелен.

Казалось, Райкама изучала его целую вечность, но не нашла ни единого изъяна.

– Сойдет, – вынесла она вердикт, хотя ее брови подозрительно поднялись. – Как только твой отец даст свое одобрение, я попрошу министров отправить его в замок Бусианов.

Я едва не подпрыгивала от радости. Слава Вечным дворам, я свободна!

Преисполненная энтузиазма, я быстро сложила все нити и иглы. Мне хотелось отпраздновать это событие с братьями, но магия утомляла как физически, так и морально, так что в конечном итоге я вернулась в свои покои и задремала на кровати. К ужину меня разбудила Гуйя, новая служанка.

У нее были безжизненные глаза, незапоминающееся лицо и досадная мания: она вбила себе в голову, что я долж-

на выглядеть как принцесса, вплоть до мельчайших деталей! Предыдущие служанки давно забросили попытки нарядить меня в подходящие одеяния. В руках она несла стопку из богато расшитых халатов, поясов и курток, которые я не желала надевать.

– Ваша одежда помялась, ваше высочество. Вы не можете выйти отсюда в таком виде!

На споры у меня попросту не хватало сил. Игнорируя ее просьбы, я направилась на ужин и чуть не плюхнулась на свое место рядом с Хасё и Ётаном. Слуги еще не убрали первое блюдо, а я уже клевала носом.

Подушки под моими коленями казались как никогда мягкими, а цветочный аромат свежесваренного чая неумолимо убаюкивал. Я покачнулась и случайно опрокинула чашку. Хасё ткнул меня под ребра.

– Да что с тобой такое? – прошептал он.

Не обращая на него внимания, я засучила рукава, чтобы слуги вытерли пролитый чай.

– Отец! Я могу уйти? Мне что-то нехорошо.

– Ты и вправду выглядишь бледнее обычного, – рассеянно ответил он. Очевидно, что его мысли были сосредоточены на чем-то другом; в последнее время совещания с советниками часто затягивались, но Андахай и Бэнкай не рассказывали почему. Отец кивнул. – Ступай.

Мачеха пристально за мной наблюдала.

– Я провожу ее.

Я испуганно подняла взгляд.

– Нет, я...

– Хотя бы до коридора, – настояла она.

Мы не обмолвились ни словом, пока не дошли до конца коридора.

– Я много думала о драконе, которого ты видела, – тихо произнесла Райкама. – Они опасные, ненадежные существа, Сиори. Если встретишь дракона, лучше держись от него подальше. Ради своего же блага.

Я постаралась скрыть свое удивление. Неужто она мне поверила?

– Да, мачеха, – солгала я.

Вернувшись в спальню, я сразу же рухнула на кровать. Что Райкама вообще знала о том, что хорошо для меня? Да и какая ей разница? Видят боги, она задалась целью испортить мне жизнь!

Стоило опустить голову на подушку, как меня начало клонить в дрему. Но, прежде чем забыться сном, я дала себе обещание: завтра я наконец попрошу Сэрю показать, как оживить Кики.

– Ну поверила она тебе, и что тут удивительного? – спро-

сил Сэрю, лениво пожеывая упавшую ветку магнолии. – Все знают, что драконы существуют.

– Никто из братьев не поверил, даже Хасё, – не унималась я. – И я не удивляюсь... я боюсь, что она расскажет отцу!

– Если она до сих пор этого не сделала, то не вижу причин для беспокойства.

– Ты не знаешь Райкаму.

От раздражения я впиалась ногтями в грязь. Наверняка ма-чеха утаивала эту информацию, чтобы использовать против меня в подходящий момент. Точно так же, как она не одобрила мой брак с сыном лорда Юдзи и настояла на том, чтобы принести меня в жертву варварам с этого отвратительного Севера!

– Может, она следит за тобой, – зловеще произнес Сэрю. Сегодня его волосы были полностью зелеными, а макушку венчали рожки, которых я не видела раньше.

– Следит?

Он перекатился на бок и присмотрелся к чему-то на горшочке, которым мы обозначали место встречи. Затем подцепил когтем ужа и поднес его к моему лицу.

– Вот один из ее шпионов!

Я закричала и вскочила на ноги.

– Ради всего святого, Сэрю! Убери эту тварь!

– Расслабься, она безобидна. Это просто маленький ужик, – он посадил змею себе на голову, и та обвилась вокруг рожек. – Видишь?

Я все равно не подходила к нему.

– Сиори, да я же пошутил насчет шпионов! – Сэрю зашипел, и змея быстро показала язычок. – Ей просто хотелось посмотреть на дракона у озера.

– Ты можешь общаться с ним?

– С ней. И да, разумеется. В конце концов драконы и змеи относятся к одному классу, и все чешуйчатые чувствительны к магии.

Этого я не знала.

– Я не люблю змей. С ними связаны плохие воспоминания.

– О твоей мачехе?

– В ее саду их сотни! Как-то раз братья подбили меня украсть одну, и Райкама поймала меня, – напряженно ответила я, вспоминая о том случае.

«Змеи напоминают ей о доме, – объяснял отец министрам, которые с неодобрением поглядывали на необычных питомцев его супруги. – Уважайте ее желания, как уважаете мои».

То же самое он сказал и нам в детстве, и мы подчинялись. По крайней мере, пока Рэйдзи не заставил меня украсть змею.

– Это ты опасаясь змей, а не я! Кроме того,

я обещала не ходить в сад без нее.

– Боишься, что попадешься и перестанешь быть ее любимицей?

– Я ничего не боюсь.

Райкама действительно относилась ко мне с теплотой и наверняка не станет возражать, если я позаимствую одну змею.

Следующим днем я медленно, чтобы не потревожить змей, прокралась в сад мачехи. Их глаза – желтые, круглые, немигающие – действовали мне на нервы. Не успела я сделать и двадцати шагов, как мою лодыжку обвила маленькая зеленая гадюка.

– Прочь! – прошептала я, пытаюсь стряхнуть ее.

Но к ней присоединились другие, и вскоре меня окружила дюжина змей. Нет, сотня! Они шипели и обнажали острые клыки. Затем одна белая змея, что висела на ветке, кинулась к моей шее.

Я с криком запрыгнула на соседнее дерево и залезла как можно выше, но змеи поползли следом. Мой пульс подскочил от страха. Я приготовилась к смертельному укусу.

Внезапно ворота в сад распахнулись, и внутрь прошла Райкама. Змеи тут же отползли, как волны во время отлива.

Я едва не разрыдалась от облегчения.

– Мачеха, умоляю, простите меня! Сама не знаю, как я...

Она окинула меня уничижительным взглядом, и мой рот захлопнулся сам по себе.

– Уходи, – произнесла мачеха ледяным тоном.

Райкама никогда не повышала на меня голос. Я оторопело кивнула, быстро скользнула вниз по дереву и убежала.

– С тех пор она меня ненавидит, – пожав плечами, рассказала я Сэрю с напускным равнодушием.

Я до сих пор не понимала, как тот один-единственный случай мог полностью испортить наши отношения. Несмотря на все притворство, поведение Райкамы ранило меня до глубины души, но об этом никто не знал, даже братья.

– Ну, тебе нечего бояться, – с улыбкой ответил Сэрю. – Моя жемчужина защитит тебя от ее змей.

Он наклонил голову. *«Мы с тобой связаны».*

Губы дракона оставались неподвижными, но я все равно услышала его голос и встревоженно подскочила.

– Как ты это сделал?!

– Как я и сказал, моя жемчужина защитит тебя. Из-за нее мы с тобой связаны, как ты с Кики.

– Жемчужина?

– Да, если бы не она, ты бы утонула. Я добавил маленький кусочек в твое сердце – ровно столько, сколько требуется, чтобы уберечь тебя от беды.

– Ты засунул какую-то жемчужину в мое сердце?!

– После того, как ты потеряла сознание. Что за неблаго-
дарность? Она, между прочим, спасла тебя.

Моя тревога быстро сменилась любопытством.

– Значит, драконий жемчуг обладает магией.

– Обладает магией? – Сэрю фыркнул. – Да они источник нашей силы – магия в своей чистейшей, первозданной форме! Для демонов и чародеев нет ничего желаннее, поскольку жемчужины усиливают их способности.

– И где же твоя?

– Тут, – он ткнул себя в грудь. – Я бы показал, но ее свет ослепит тебя.

Я тоже фыркнула, посмеиваясь над его самолюбием.

– Однако ты отломил кусочек, чтобы спасти меня?

– Хотел узнать, зачем такая симпатичная девушка нырнула за волшебной птичкой, – Сэрю откашлялся, заметив мой взгляд. Его густые зеленые брови смущенно сдвинулись к переносице. – Такое не каждый день увидишь. Я подумал, что жемчужина поможет тебе продержаться до берега... Почему ты так на меня смотришь?

– Ты только что назвал меня симпатичной, – я застенчиво улыбнулась.

Его заостренные уши мгновенно покраснели.

– Я имел в виду, что ты симпатичная для *человека*, – проворчал Сэрю. – Из тебя вышел бы отвратительный дракон.

С разливающимся в груди теплом я придвинулась к Сэрю

ближе – просто чтобы увидеть, как он становится пунцовым.

– К счастью, я не дракон.

– Определенно, – Сэрю потер уши и недовольно на меня покосился. – Именно поэтому ты никому не должна рассказывать о кусочке моей жемчужины. Забрать ее практически невозможно – это могу сделать только я, – но чародеи столь же алчны, сколь изобретательны... Лучше не рисковать в мое отсутствие.

– Ты уходишь? – воскликнула я.

– Обратно в море Тайцзинь. Зимой дедушка созывает придворных в западном квадранте.

– Но еще не зима.

– Это для вас. У драконов время идет не так, как в мире смертных. Ваши три месяца для нас как неделя. К весне я вернусь.

– К весне? – переспросила я. – А как же наши уроки? И журавли... ты все пропустишь!

– Журавли? – дракон нахмурился.

– Они прилетают ко дворцу в начале каждой зимы, – объяснила я. – Приветствовать их в первый день прилета уже вошло в традицию.

– Так же, как у принцев и принцессы вошло в традицию запускать воздушного змея в день Летнего фестиваля? – сухо поинтересовался Сэрю. – У вас, людей, много традиций.

– Ты также пропустишь мой день рождения, – я резко помрачнела. – Последний перед тем, как меня увезут из двор-

ца, чтобы выдать замуж за сына лорда Бусиана.

Мои слова застали дракона врасплох.

– Ты выходишь замуж?

– Угу, – буркнула я. Последние несколько недель мне удалось подавить свой страх перед помолвкой, но после новости Сэрю я в полной мере ощутила всю горечь своего затруднительного положения.

– Когда?

– До конца весны меня отправят в замок Бусианов. Свадьба пройдет следующим летом.

Плечи Сэрю расслабились.

– А, так у нас полно времени! Не расстраивайся, я вернусь весной. А тем временем поработай над своей магией.

Мои мальцы инстинктивно потянулись к карману, где по-прежнему лежали ошметки бумажной птички.

– Покажи, как вернуть Кики.

– Тебе не нужны никакие инструкции. Просто помни, чему я тебя учил.

Я нервно сложила на коленях четыре кусочка бумаги. После Кики все мои чары были недолговечными. Стоило отвлечься, как пионы, которые я заставила цвести, тут же увяли. Та же ситуация повторилась с игрушечными лошадками: стоило отвернуться, как они перестали бегать и безжизненно упали на землю. Что, если я воскрешу Кики и снова ее потеряю?

«Она другая, – убеждала я себя, аккуратно складывая ку-

сочки. – Кики часть меня».

Через минуту передо мной лежала бумажная птичка. Немного хрупкая, но в целом такая же, как и раньше: с крючковатым клювом, двумя чернильными глазами, бережно нарисованными кисточкой, и крыльями со складкой посреди-не, чтобы загибались как лепестки орхидеи.

Только красная точка на макушке размазалась и поблекла.

Я содрала корку с ранки на пальце, и когда выступила кровь, прижала его к голове птички, что покоилась у меня на ладони. Бумага быстро потемнела до багрового оттенка. Преисполнившись надеждой, что она снова оживет, я прошептала:

– Проснись.

С губ сорвалась тонкая серебристо-золотая нить магии, скользнула змейкой по крыльям птички и осталась там, словно вшитая в бумагу. Кики встрепенулась, дважды похлопала крыльями. И, взмыв в воздух, закружила у моего лица.

– Кики!

Птичка приземлилась мне на ладонь и погладила крылом пальцы. *«Это был худший сон в моей жизни, – проворчала она, недовольно водя клювом из стороны в сторону. – Мне приснилось, что меня разорвали на кусочки. Большие никогда не усну! Никогда!»*

– Я тебя слышу! – изумилась я.

«Ну само собой! Я же твоя лучшая подруга, верно?»

– Должно быть, ты так сильно хотела ее вернуть, что ма-

гия вас связала, – задумчиво произнес Сэрю. – Теперь вы слышите мысли друг друга... Но не исключаю, что компания дракона покажется тебе предпочтительнее бумажной птички.

«Да неужели? – беззвучно чирикнула Кики. – Я дружила с ней еще до тебя».

Ее дерзость вызвала у меня смех.

– Да, но сможешь ли ты учить меня магии, пока Сэрю будет в море?

– Маловероятно, – дракон распластался на траве. – Но ты всегда можешь попросить о помощи свою мачеху.

Мой смех мгновенно оборвался.

– Мачеху?

Сэрю пожал плечами.

– А ты что, не знала? Она могущественная колдунья. Магия так и исходит от нее. Я заметил это еще на Летнем фестивале.

Райкама – колдунья? Невозможно!

– Должно быть, ты ошибся.

– В таком я никогда не ошибаюсь.

– Ты вроде говорил, что магия – редкий дар. Как он может быть и у Райкамы?

– Правильно, редкий, но это не значит, что ты единственная, кто им обладает. На самом деле в этом нет ничего странного – магия привлекает магию. Странно то, что мой дед позволил ей пересечь море Тайцзинь. Он охраняет воды Кияты

от чужеземной магии.

– Может, он не знал, – задумчиво протянула я. В голове царил полный бардак, но внезапно меня осенило. Вдруг это и есть тот секрет, который Райкама так оберегала: что она тоже обладает магией, как я? – Спроси у него.

– Приставать к королю драконов с вопросами о смертных крайне неразумно. Как и извещать его об ошибке, совершенной много лет назад. Кроме того, она не чародейка.

– В каком смысле?

– Она не из тех жадных идиотов, что клянутся служить тысячу лет любому, кто найдет их амулет. Все не так весело, как кажется. В промежутках, когда у них нет господина, чародеи проводят свои дни в духовном обличье, как правило, в виде какого-то шелудивого зверя без доступа к магии... и признаков интеллекта.

– Если чародеи связаны по рукам и ногам этой клятвой, почему мы их боимся?

– В Кияте и не боятся. Стоит им пересечь море Тайцзинь, как они теряют силу.

– Почему мы боимся их за пределами Кияты? – исправилась я, не скрывая своего любопытства.

– Потому что они всегда в одном шаге от того, чтобы превратиться в демонов. Это их наказание за нарушение клятвы. Они опасны.

– А моя мачеха... неопасна?

– По-своему, – кивнул Сэрю. – Ее магия дикая и необуз-

данная, как твоя. Вы определенно могущественные, но продолжительность жизни у вас небольшая, как у обычных смертных. – Не заметив моего уничижительного взгляда, он продолжил: – Загадка в том, откуда она черпает свою силу. В отличие от тебя, она не местная. Ей нужен источник и довольно большой, чтобы излучать такую мощь.

– Может, она пьет змеиную кровь, – предположила я, закатывая рукава. – Это бы объяснило, почему у нее их так много.

– Не думаю, что змеи могут быть источником магии.

– Ну, раз ты не собираешься спрашивать у дедушки, мне придется разнюхать все самой, – я самодовольно усмехнулась, лукаво глядя на Сэрю. – Как жаль, что тебе придется ждать до весны, чтоб узнать, что мне удалось выяснить.

– Ваша весна наступит всего через несколько недель по драконьим меркам. Я могу подождать, – Сэрю ухмыльнулся. – Ну, я и так сильно задержался. Не волнуйся, принцесса, я вернусь, – он подмигнул. – У тебя крошечная частичка моей жемчужины, и она мне еще понадобится.

И когда он успел подойти так близко? Я чувствовала сладкий аромат бобовой пасты в его дыхании.

– Так заberi ее сейчас, – предложила я, отходя на шаг, и случайно наступила на камень. Сэрю схватил меня за локоть, чтобы не дать упасть.

– Оставь ее, – его глаза загадочно блестели, словно он хранил какую-то тайну. – Она еще может тебе пригодиться.

Сэрю поцеловал меня в щеку и, не дожидаясь моей реакции, нырнул в озеро. Его губы оказались на удивление мягкими, как для дракона.

– Увидимся весной! – крикнул он, помахав, а затем ударил хвостом по воде и скрылся из виду.

Я подняла горшочек из орехового дерева, которым мы отмечали место встречи, смахнула грязь с бортиков и понесла его домой под мышкой.

А до весны была еще целая вечность...

Глава шестая

Без Сэрю лето выдалось довольно однообразным. Работа над гобеленом подошла к концу, так что мои уроки возобновились. Наставники читали утомительные лекции об истории, протоколах и языке, но все равно это лучше, чем шить. Все лучше, чем шить.

Впрочем, я все равно прогуливала при любой возможности. Придумывала безобидную ложь, к примеру, что Андахай нуждался в моей помощи, чтобы выбрать подарок для невесты. Или оправдывалась перед верховными жрецами, что не смогу сегодня выразить почтение богам, так как Хасё заболел, и ему нужно сварить суп. Но, по правде, мои братья были вечно заняты, и никто обо мне не спрашивал. Даже Райкама.

В кои-то веки меня это не задело, а, наоборот, порадовало, ведь в свое драгоценное свободное время я шпионила за мачехой.

Я неделями ходила за ней тенью, отправляла Кики на слежку, но узнала лишь ее распорядок дня. И до чего же монотонной оказалась ее дворцовая жизнь! Сначала завтрак с отцом, затем утренние молитвы, потом посещение сада, где она кормила змей, поливала хризантемы и сметала упавшие лепестки глицинии. А дальше хуже... она шила часами напролет!

Раздраженно вздохнув, я кинула камешек в Священное озеро и наблюдала, как водная поверхность покрывалась рябью, а потом плавно разглаживалась. Затем села и опустила ноги в воду.

— Ну не может она быть колдуньей, Кики! Райкама всегда ненавидела магию.

Ненавидела — это еще мягко сказано, хотя я никогда не задумывалась почему. В конце концов в Кияте почти все презирали магию. Однако загадочное прошлое Райкамы породило много нелепых слухов о том, откуда она родом, как познакомилась с отцом, и откуда взялся ее шрам. Ее пристрастие к змеям только подливало масла в огонь этих домыслов. Когда-то давно один министр пытался убедить отца, что Райкама поклоняется демонам — мол, она из тех безбожных жриц, что ежегодно приходили ко дворцу, закидывали ворота пеплом и несли чушь о темной магии, вернувшейся в Кияту. Отец прогнал этого министра и запретил жрицам появляться в Гиндаре. Но теперь во мне проклюнулось зерно сомнений...

Возможно, Райкама ненавидела магию, потому что скрывала собственный дар?

Я нахмурилась.

— К этому времени она бы уже наверняка выдала себя. Сэрю ошибся.

«Попробуй еще раз завтра, — предложила Кики. — Дракон сказал, что она прячет свою силу».

– Он также сказал, чтобы я упражнялась с *собственной* магией, – огрызнулась я. – Каждый час, потраченный на слежку за ней, – это упущенная возможность усовершенствовать свои навыки.

«*Как и каждая минута, что ты тратишь на нытье*», – съехидничала Кики, мой нескромный голос разума.

Я снова вздохнула. Слова птички были не лишены смысла.

– Созрей, – приказала я спеющей ягоде, и та стала настолько сочной, что ее выхватил из моей руки спикировавший коршун. – Прыгай, – обратилась я к камню, и он скакал по озеру, пока не исчез из виду.

Подобные чары сущая легкотня, а вот на то, чтобы изменить направление ветра или призвать жаворонков и ласточек – элементарные заклинания, которые по плечу любой чародейке – у меня уходили все силы.

«*Расстраиваться из-за своего невежества вполне естественно*, – попыталась утешить меня Кики. Ее умению сопереживать еще требовалась доработка. – *По крайней мере, ты способна хоть на что-то, в отличие от всех остальных в Кияте*».

– Кроме Райкамы, – я окунула пальцы в озеро и попробовала поднять высокую волну, как Сэрю, но вода просто покрылась рябью.

«*Не хочешь попросить ее о помощи?*»

– Уж лучше утонуть в Священном озере!

«Ну вот еще, к чему эта драма? – пожурила Кики. Я снова вздохнула, и она клюнула меня в щеку. – Сиори, чего ты такая грустная?»

На самом деле это никак не было связано с Райкамой. У меня оставался еще месяц, чтобы разгадать ее секрет, я спешила только из скуки.

– В этом озере братья научили меня плавать, – наконец ответила я. – Мы так громко смеялись, что распугали всех уток. Андахай притворялся осьминогом и нападал на нас, если мы не успевали уплыть. Я скучаю по тем временам. Не хочу, чтобы мы вступали в брак, выросли и отдалялись друг от друга.

Этим летом братья почти не вспоминали обо мне. Андахай и Бэнкай проводили все время на тайных заседаниях отца с генералами и послами, Вандэй не отрывался от книг, Ётан пользовался популярностью при дворе и постоянно гулял с друзьями, а Рэйдзи и Хасё так увлеклись партией в шахматы, что больше ни на что не обращали внимания.

Я достала ноги из воды. Тут подул сильный ветер, направив течение в мою сторону. Он становился все сильнее – верный знак, что близилась осень. Я подняла руки, наслаждаясь потоками прохладного воздуха, что задувал мне в рукава.

Сколько бы счастливых моментов я ни вспоминала, сколько бы ни кричала, ветер все равно не повиновался.

«А как тебе такая задачка? – Кики показала крылом на что-то, плывущее по озеру. – Почему бы тебе не приказать

ветру подтолкнуть это к тебе?»

Я прищурилась. Что там блестит под кучей мха и водорослей?

Затем побежала по берегу, разыскала длинную ветку и выудила из воды то, что никак не ожидала увидеть.

– Мой пояс!

Тот самый, что был на мне, когда я прыгнула в озеро – о нем-то и спрашивала Райкама. Золотые нити промокли, цветочные узоры испачкались в грязи, весь пояс опутывал мох, но в остальном он выглядел вполне ничего.

Я выжала из него воду, лихорадочно обдумывая свои варианты. После нескольких недель наблюдений за Райкамой я почти убедила себя, что Сэрю сошел с ума, раз назвал ее колдуньей. По крайней мере, теперь станет ясно, зачем ей был так нужен этот дурацкий пояс.

Импульсивность и любопытство – две из лучших черт моего характера. Именно они побудили меня ворваться в комнату для рукоделий, размахивая поясом, как солдат – знаменем.

– Мачеха! – воскликнула я, показывая влажную и мятую ткань. – Вы просили принести вам его.

Райкама даже не оторвала взгляда от пялец.

– Только потому, что это подарок от лорда Юдзи. Ты уже оскорбила одну семью, Сиори. Лучше бы не обижать вторую. – Она завязала узел и отрезала нить. – Прикажи служанкам постирать его вместе с остальными вещами.

Я начала уходить и наверняка выкинула бы это недоразумение из головы... если бы не тень, промелькнувшая на лице Райкамы. Ее глаза слабо, едва заметно, но безошибочно сверкнули золотом.

Следующим утром мой пояс исчез.

– Он был нужен ее сиятельству, – объяснила Гуйя и мудро потупила взгляд в пол при виде моего возмущения.

– И ты просто отдала его ей?!

Служанка сгорбилась и задрожала, как мышка.

– Н-нет, принцесса. Ее сиятельство... ее сиятельство сама забрала пояс. Быть может, вам подойдет красный? – она показала красиво завернутый сверток. – Его только что прислал лорд Ю...

Гуйя еще не закончила предложение, а меня уже и след простыл. К этому времени я знала расписание мачехи назубок – она должна быть в саду. Это и к лучшему, поскольку мне были известны все способы проскользнуть туда незаметно.

Вглубь я не заходила – слишком боялась змей. Как-то раз канцлеры отца обмолвились, что гадюки ядовиты, а некоторые змеи настолько смертоносны, что могут убить одним

прикосновением. Меня бросило в дрожь от воспоминания об их чешуйках на моей коже.

Я осторожно сняла туфли и, взяв их под мышку, зашагала по мелководью в пруду Райкамы. Затем низко пригнулась и спряталась под каменным мостиком. Спустя какое-то время у меня задрожали колени. Ноги пощипывали рыбы, решившие, что я кувшинка.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем явилась Райкама.

Как только гвардейцы закрыли ворота в сад, она достала из-за пазухи клубок красной нити. Не считая листьев, зацепившихся за волокна, он напоминал алое солнце.

Я ожидала, что она, как всегда, начнет разговаривать со змеями, отдохавшими на мостике рядом с глициниями, или ухаживать за своими драгоценными орхидеями, которых частенько вышивала на веерах и шалях. Вместо этого мачеха задрала юбку до колен и подняла клубок над головой.

– Отведи меня к Слезам Эмуриэн, – приказала она.

Клубок задрожал, излучая красноватое сияние, и соскочил с ее ладони в пруд.

Райкама подождала у самой кромки воды. Внезапно та яростно завихрилась и расступилась, являя путь к лестнице в центре. Мачеха быстро спустилась.

Я последовала за ней, но тут с деревьев с шипением упали змеи, преграждая мне дорогу.

Я ахнула от страха и замерла на полушаге. Они были по-

всюду и пестрели невиданными красками: бирюзовые, фиолетовые, сапфировые. Другие были черными, как ночь, в красную полоску или кремовыми в коричневых пятнах. Зато клыки у всех были одинаковые – загнутые, как крошечные кинжалы. Их глаза угрожающе сузились до тонких щелочек.

Змеи окружили меня точно так же, как много лет назад.

«Сиори! – крикнула Кики. – Если не поспешишь, мы упустим ее».

Вода постепенно затапливала лестницу, но сперва мне нужно было миновать змей, поджидавших на ступеньках.

«Страх – это всего лишь игра, Сиори, – напомнила я себе. – И если сыграешь – ты уже победитель».

Я надела туфли и побежала к лестнице. С деревьев падало все больше змей, шлепаясь о воду, но я не смела оглядываться. Вокруг царила тьма, моим единственным путеводителем был мерцающий свет внизу. В конце концов я вышла с другой стороны.

Не иначе как магия привела меня в лес, находившийся далеко-далеко от сада. Более того, дворца тоже нигде не было видно – только Святые горы, что затмевали собой небо. Если это действительно один из горных лесов, то я очутилась далеко от дома. Но пока что возвращение в родные пенаты волновало меня меньше всего.

Кики взлетела к деревьям, ее хрупкие бумажные крылья выплясывали на невидимых порывах летнего ветра. Далеко впереди виднелся клубок нитей, катившийся через заросли,

его яркий свет окрашивал деревья красным. Я побежала со всех ног за Райкамой, все больше углубляясь в лес... пока она внезапно не остановилась.

Кики потянула меня за волосы к дереву.

Клубок попал в яму, полную палок и листьев. Больше он не дрожал и не сиял.

Мачеха сняла сандалии, достала латунный гребешок, которым закалывала свой пучок, и устало потерла виски. Ее иссиня-черные волосы заструились по спине, но среди них затесалась седая прядь.

Я нахмурилась. Раньше ее не было. У нестареющей королевы-то!

Опустившись на колени у ямы, Райкама закатала рукава, медленно развязала пояс, сдерживавший слои ее халата, и оголила плечи.

В груди мачехи горел свет: сначала тускло, затем все ярче и ярче. Мне даже пришлось закрыть глаза. В сердце Райкамы, подобно луне, что раскололась пополам, сверкала разбитая сфера с трещиной посередине, однако та никоим образом не портила ее красоту. Поверхность сферы была черной, как ночное небо, но ее свет ослеплял не хуже рассвета, занимающегося над океаном. Завораживающее зрелище.

– Вот он, – выдохнула я. – Источник ее магии.

«Чудно. А теперь уходим, – взмолилась Кики. – Мы достаточно увидели».

– Еще рано, – прошептала я и, отмахнувшись от птички,

залезла на дерево. Мне хотелось увидеть больше.

Из центра ямы начала подниматься вода. Минуту назад там было сухо! Откуда она взялась?!

Я зачарованно подалась вперед. Очевидно, что водоем был необычным – мутная вода ничего не отражала. Неужели это в самом деле слезы Эмуриэн? Слезы, которые пролила богиня судьбы, упав с небес на землю? Боги уничтожили все подобные водоемы.

На руке Райкамы покоился мой золотой пояс, его тонкая веревочка расплелась. Мачеха шагнула в воду и заговорила на незнакомом языке – более ритмичном, слова на нем звучали мелодично и плавно. Ее голос смягчился, и по какой-то причине на моей коже выступили мурашки.

– Ты понимаешь, что она говорит? – шепотом спросила я у Кики.

«Звучит как заклинание. И довольно опасное, – когда я наклонилась, Кики клюнула меня в щеку. – Осторожнее, Сиори! Ради всего святого, разве тебя не учили, что любопытную птичку съела лисичка? – Она застонала. – Ну почему я не родилась у более здравомыслящей чародейки?!»

– С каких пор ты так волнуешься за свою жизнь? – огрызнулась я. – Далась ты лисице – у тебя тело из бумаги!

«Да, но если ты умрешь, то и я тоже. Так что, разумеется, я волнуюсь о тебе. Ты бы и в огонь прыгнула, если бы это помогло тебе добраться до ответов».

– Понятно. Значит, ты печешься обо мне только из соб-

ственных интересов.

«Естественно! Такой птичке, как я, ни к чему лишние эмоциональные связи».

Я проигнорировала ее и прищурилась, глядя на Слезы Эмуриэн. Из моего пояса, подобно крови, потекли алые ленты. Они просочились сквозь пальцы Райкамы, и ее голос изменился, стал грубым, низким, и так и сочился ядом.

– Андахай, – прохрипела она.

Прямо на моих глазах ленты в воде приняли очертание наследного принца. Он вышел так правдоподобно, что я вздрогнула и поджала губы от внезапно нахлынувшей тоски по братьям. Даже по Андахая, пусть он нудный и упрямый. Но если он будет править Киятой с той же заботой, какую проявлял к своим братьям и сестре, то в нашей стране наступят лучшие времена.

Райкама продолжила называть имена принцев, их очертания вырисовывались на воде одно за другим.

– Бэнкай.

Высокий и элегантный, им я восхищалась больше всех. Его терпению можно было позавидовать, что, впрочем, не означало, что он всегда был готов нас выслушать.

– Рэйдзи.

Он редко улыбался и не задумывался над своими словами, даже если они причиняли боль. Но раз Хасё выносил его компанию, значит, он не так уж плох.

Вода продолжала вращаться. Я попыталась очнуться от

чар Райкамы, но она не закончила. Осталось еще четверо детей.

– Ётан.

Брат, чей горшочек всегда был наполовину полным, а не пустым. Брат, который пугал меня, подкидывая на подушку панцири цикад, и вызывал слезы, подсыпая в чай перец чили. Зато он всегда умел рассмешить.

– Вандэй.

Наш тихоня, предпочитавший людям книги. Если бы Ётан не напоминал ему время от времени, что нужно есть и спать, он бы и не выныривал из собственных фантазий. Его изобретения сами были своего рода волшебством.

– Хасё.

Мой лучший друг. Самый ласковый из братьев, хоть и любил подшучивать надо мной. Ему доверяли даже птицы с бачками.

Наконец прозвучало и мое имя:

– Сиори.

Я вышла из оцепенения. Ленты почернели и затуманили воду. Из нее появились семь змей, сотворенные скорее из тени, нежели из плоти, и подплыли к Райкаме.

Кики спряталась в мой рукав.

«Скорее, Сиори! Нужно немедленно уходить!»

Я слышала ее предупреждения, но не могла пошевелиться – вид этих змей буквально парализовал меня.

Они поползли по спине мачехи и обвили ее шею.

«Сиори, – шипели они. – Умри, Сиори!»

Увиденного и услышанного мне хватило сполна. Я отползла назад по ветке и начала спускаться, как вдруг мачеха повернулась в профиль. Глаза у нее стали желтыми, как у змей, а на месте гладкой кожи переливались белоснежные чешуйки.

Я ахнула, оступилась и свалилась с дерева.

Райкама резко обернулась.

– Кто здесь?! – крикнула она, накрыв сердце ладонью. – Покажись!

«Демоны меня побери!» Я прыгнула в кусты. Листья потемнели и завяли под моими пальцами – страх и тревога лишили меня власти над собственной магией.

Я не осмеливалась даже дышать, но мое сердце бешено колотилось в груди. Вечные дворы, лишь бы оно меня не выдало...

– Покажись! – повторила Райкама, выпрямляясь. Она стала неузнаваемой: волосы вихрились вокруг нее чернильной массой, изо рта то и дело показывался тонкий раздвоенный язык. Моя мачеха не колдунья, а монстр!

Я в ужасе выскочила из укрытия и побежала в ту сторону, откуда пришла. Но вокруг простирался только бесконечный лес. Я не знала, в какой стороне дом.

Ну и не важно. Главное, чтобы Райкама меня не нашла...

Тут кто-то схватил меня за руку.

– Сиори, – прошипела мачеха.

Я впала в ступор и даже не сопротивлялась. Тенистые змеи исчезли с ее плеч, лицо вернулось к своему обычному виду, но в моей памяти все равно отпечатался перламутровый блеск ее чешуи. От всего этого кошмара у меня закружилась голова.

Кики подлетела к мачехе и ударила ее крыльями по щекам, но Райкама просто отмахнулась от нее.

– Кики! – закричала я, но моя птичка исчезла из поля зрения.

– Тебя не должно здесь быть, – сердито произнесла Райкама. – Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю, Сиори!

Я взглянула в ее глаза, сиявшие как никогда раньше – золотые, лучезарные и такие завораживающие, что от них было невозможно отвернуться.

– Забудь все, что ты видела. Ты выбилась из сил... все это было сном.

Меня охватила усталость. Рот широко открылся в зевке, перед глазами все поплыло... как вдруг я опомнилась и часто заморгала. Я не устала и ничего не забыла.

Уголки губ мачехи опустились, и она взяла меня за плечи. – Забудь все, что ты видела, – повторила она глубоким и звучным голосом. Вода позади нас пошла рябью. – И никогда не говори о случившемся.

– Нет, – прошептала я. – Нет... отпустите меня. Отпустите!

Я вырвалась из ее хватки и даже успела отойти на пару ша-

гов, но Райкама обладала необычайной силой и скоростью. Мачеха с легкостью оторвала меня от земли, ее длинные ногти сомкнулись на моих рукавах.

Она подняла меня выше, чтобы наши глаза – желтые и карие – оказались на одном уровне, и я закричала.

Тем временем Кики вернулась и укусила мачеху за щеку. Райкама вскрикнула, на ее коже возникла алая рана. Я воспользовалась моментом и освободилась, а в последнюю секунду еще и выхватила клубок нитей у нее из руки.

Затем убежала в лес. Все, что нужно, я увидела.

Мой отец женился на демоне.

Глава седьмая

Я подкинула клубок высоко в воздух и крикнула:

– Отведи меня домой!

По моей команде он содрогнулся и ускакал. Я погналась следом, не осмеливаясь даже моргнуть из страха, что упущу его среди лесных зарослей. По вискам стекал пот, одежда липла к телу от жаркого летнего воздуха, но я не сбавляла скорость.

Мне было необходимо предупредить братьев и отца.

Наконец я вышла в саду мачехи и поспешила во дворец.

Гвардейцам предстало то еще зрелище: в моих волосах запутались листья, расшитый подол юбки испачкался в грязи. Еще и туфлю потеряла. Они растерянно пялились на мой потрепанный вид, но меня ничто не могло остановить.

Я ворвалась в покои Хасё, пропыхтела: «Она... демон!» – и привалилась к стене, пытаясь отдышаться.

– Нужно рассказать отцу!

Хасё вскочил на ноги. В комнате также сидели Рэйдзи и близнецы, игравшие в шахматы.

– Эй, помедленнее... О чем ты говоришь?

– Райкама! – я жадно втянула воздух. – Я видела, как она изменилась. Она знает... знает, что я была там!

Кики вылетела из моего рукава, и Рэйдзи чуть не перевернул шахматную доску от изумления.

– Это еще что такое?!

– Нужно рассказать отцу, – повторила я, игнорируя его. – Где Андахай и Бэнкай?

– Тут, – ответил Андахай со строгим видом. Наши спальни были смежными, и он стоял в проходе между комнатами Хасё и Рэйдзи.

– Что за шум, Сиори? – он нахмурился, заметив состояние моего халата. – Ты что, снова упала в озеро?

Я протолкнулась мимо Андахая и остановилась перед Бэнкаем. Он должен меня выслушать!

– У нее в саду есть тайный проход, который ведет к... к месту рядом со Святыми незыблемыми горами. Если последуем за этим клубком, он приведет нас туда...

Все шестеро братьев уставились на меня с одинаковым выражением на лицах: брови нахмурены, подбородки опущены, в глазах – жалость. Они, может, и хотели мне поверить, но не могли. Ну, кто бы сомневался. Я говорила как полоумная в бреду.

– Вы... вы мне не верите.

Рэйдзи фыркнул.

– Сперва ты увидела дракона, а теперь наша мачеха – демон?

– Это правда!

– Я знаю, что ты не хочешь замуж, но наверняка есть способы получше привлечь к себе внимание.

Бэнкай кинул на него предостерегающий взгляд, после че-

го повернулся ко мне.

– После ужина, сестра, – по-доброму сказал он. – После ужина мы все вместе пойдем за этим клубком пряжи, хорошо?

– К тому времени будет слишком поздно!

– Сиори, Сиори! – Хасё взял меня за плечи. – Ты вся дрожишь.

Я увернулась от него, не желая успокаиваться.

– Отец женился на демоне. Мы обязаны ему рассказать! Обязаны...

Мой язык словно онемел. В дверном проеме стояла Райкама. Змеиное лицо и седая прядка исчезли без следа, и даже ее юбка успела высохнуть.

Но ее присутствие в комнате ощущалось как-то иначе: будто она стала более могущественной, более властной. А царапина, которую нанесла моя птичка, зажила менее чем за час!

Кики спряталась обратно в рукав, а братья немедленно поклонились. Я же тем временем кинулась к ближайшему стеллажу с мечами, но Хасё перехватил меня и так больно сжал руку, что я сморщилась.

Райкама впиалась в меня взглядом.

– Я бы хотела поговорить с Сиори наедине.

– Мачеха, быть может, это подождет до конца ужина? – спросил Бэнкай. Его плечи выпрямились и напряглись. Но хоть он и был самым рослым из моих братьев и как мини-

мум на голову выше Райкамы, каким-то образом ей удавалось смотреть на него свысока. – Мы и так опаздываем...

– Вы шестеро уйдете первыми.

К моему удивлению, братья не спорили. Хасё отпустил мою руку и направился к двери.

Я схватила меч с нефритовой рукоятью и, побежав за братьями, преградила путь Ётану и Вандёю.

– Нет, оставайтесь!

Близнецы замерли с недоуменным видом.

– Сиори! – звонко окликнула мачеха. – Опустите меч.

Тот выпал из моей ладони. Я ахнула – не пошевелиться! Тело не покорялось ни одной команде, ноги приросли к полу, руки прижались к бокам.

«Сопrotивляйся, Сиори! – подбадривала меня Кики, кушая за руку. – Ты должна бороться!»

– Только взгляни на себя! – Райкама коснулась моего плеча. – Ты не в том виде, чтобы идти на ужин! Живо переоденься, а я придумаю какое-нибудь оправдание для твоего отца.

Ее глаза блеснули золотом, и мои тело и разум сковал лед. Внезапно мой гнев притупился, воспоминания об увиденном в саду стали расплывчатыми, как сон. Мне хотелось лишь повиноваться ее приказу, пойти к себе в комнату и переодеться, чтобы успеть к ужину.

Надену один из красных халатов. Это мой любимый цвет, к тому же отец всегда говорил, что он мне к лицу. Может, даже примеряю тот красный пояс, о котором упоминала

Гуйя...

Я вздрогнула и сжала кулаки. Райкама снова взялась за свое! Она пыталась зачаровать меня!

Я со всей силы толкнула Хасё, чтобы он очнулся, затем потянула за руки Бэнкая и Андахая, крича братьям:

– Не смотрите ей в глаза! Она пытается контролировать нас! Она...

– Довольно.

Слово рассекло воздух, как нож. Поток обвинений застрял в моем горле, будто кто-то закупорил его пробкой.

Бэнкай поднял уроненный мною меч и наставил его на Райкаму.

Мачеха даже не дрогнула. Ее глаза засияли желтым, как тогда в лесу.

– Советую опустить его, – мягко произнесла она.

Рука Бэнкая затряслась, мышцы напряглись, от лица отхлынула кровь. Что-то заставило его положить оружие против воли.

– Демон! – прорычал Андахай, замахиваясь клинком. – Сдавайся!

Но не успел он сделать и шага, как тоже внезапно обронил меч. Остальные братья набросились на мачеху, но с тем же успехом могли сражаться с воздухом. Стоило ей задрать подбородок, как они будто окаменели.

– Беги, Сиори! – с трудом просипел Хасё. – Позови отца!

Я метнулась через всю комнату, протягивая руки к две-

рям, но те не поддавались.

– Гвардейцы!

Окна распахнулись от сильного порыва ветра, который заглушил мои крики. Я попятилась под его напором, пока не врезалась в комод Хасё. А когда упала и сжалась на полу от боли, случился настоящий кошмар.

– Сыны мужа моего, я не желаю вам зла, – тихо обратилась Райкама к моим братьям, – но ваша сестра узнала мою самую сокровенную тайну, и я вижу, что этого не стереть из вашей памяти. Вы не оставили мне выбора. Я вынуждена пойти на этот шаг, ради всеобщего блага.

Раздался гул, и свет в ее груди разгорелся ярче прежнего. Он осветил всю комнату и окутал моих братьев.

Тогда они начали меняться. Сначала глотки – чтобы не кричали. Их шеи вытянулись и покрылись черными перьями, из носа и губ вырос длинный клюв. Послышался треск костей, звук рвущихся мышц. Их руки удлиннились в блестящие белые крылья, ноги сузились и стали шишковатыми, как стебли бамбука, глаза округлились и впали. Напоследок их макушки покраснели, будто увенчались шестью маленькими алыми коронами.

Мои братья превратились в журавлей!

Они лихорадочно разлетелись по комнате, а я с криком подхватила меч и бросилась на Райкаму.

Она стремительно отошла в сторону, поймала меня за запястье, а затем оторвала от пола, демонстрируя ту же неве-

роятную силу, что и в лесу. Меч с лязгом упал.

– Верните их! – сплюнула я, пытаюсь вырваться. – Верните их! Вы чудовище!

С тем же успехом я могла обращаться к владыке Саримаэну. Но в моем неутешительном состоянии мне показалось, что в ее глазах мелькнула крупца жалости, тлеющий уголек эмоций.

Я ошиблась.

– *Чудовище*, – тихо повторила мачеха, и от этого слова повеяло смертью. Шрам на ее лице замерцал в свете фонарика. – Однажды меня так уже называли. И многими другими ужасными словами.

Я корчилась и извивалась в ее руках. Идеальные губы Райкамы скривились в гримасе.

– Я думала, что из всех людей, которые мне повстречались в этой новой жизни, ты-то сможешь понять. Но я ошибалась, Сиори, – она подняла меня выше. – И теперь ты должна исчезнуть.

Прежде чем она успела наложить проклятие, мои братья спикировали и напали на мачеху в яростном смерче острых клювов и мощных белых крыльев. Мебель полетела во все стороны. Посреди этого хаоса мне удалось пнуть Райкаму в грудь и освободиться.

Я побежала к себе в комнату и захлопнула дверь. Нужно остановить ее, но как? Уж явно не цитрой или иглами для вышивания, и определенно не кисточками для уроков кал-

лиграфии.

В углу спальни съежилась моя робкая служанка. Я еще никогда никому так не радовалась! Руки она держала за спиной, словно что-то прятала... Хорошо бы, если кинжал. Заметив меня, она быстро встала.

– Гуйя! – воскликнула я, чуть ли не выталкивая ее за дверь. – Беги к моему отцу! Скажи ему, что Райкама...

– Сиориамма...

Больше она ничего не успела сказать. Ее горло неожиданно сжалось, глаза закатились, все тело обмякло. Гуйя свалилась на пол и потеряла сознание.

Тамбуские демоны! У меня оставались считанные секунды до прибытия Райкамы.

Я попыталась растрясти Гуйю, но ничего не вышло. Кинжала при ней тоже не оказалось – лишь горстка чего-то, что напоминало черный песок. Вероятно, уголь для окрашивания волос и ресниц, иными словами – ничего полезного.

Я развернулась и прошла глубже в спальню. На столе лежали сотни бумажных журавлей. Я подкинула их в воздух.

– Оживите и помогите моим братьям!

По моему приказу они задрали острые клювы и захлопали бумажными крыльями. Уже через секунду они полетели стрелой к двери под предводительством Кики.

Птички окружили Райкаму, но с тем же успехом они могли быть комарами. Она подняла руку, и в ее сердце вспыхнул ослепительный свет. Тогда все мои журавли безжизнен-

но попадали на пол, как гряда камней.

В воздухе осталась только Кики, и она тут же спряталась за моими волосами. Крылья маленькой птички до того сильно дрожали, что я почти слышала ее страх.

– Значит, у тебя все же есть магия, – сказала мачеха, загоняя меня в угол. – Без нее все было бы намного проще.

Ненависть придала мне сил. Я что было духу кинула в нее деревянный горшочек, оставленный Сэрю.

Но Райкама поймала его одной рукой. Затем положила горшочек на ладонь, и тот засиял в центре. По бортикам поползли тенистые змеи и обвились вокруг моей шеи.

Я застыла, напрягшись всеми мышцами. Змеи парализовали меня и сжимались все крепче и крепче, пока с моих губ не перестал срываться даже хрип.

– Остановитесь, – выдавила я. – Отпустите... их...

– Хочешь что-то сказать? – желтые глаза мачехи засияли. – Тогда будь осторожна со словами. Покуда этот горшочек на твоей голове, за каждый звук, что слетит с твоих уст, один из твоих братьев умрет.

Райкама приподняла мое лицо за подбородок, заглядывая в глаза. Я ожидала, что она рассмеется над моей беспомощностью, но мачеха никоим образом не выдавала эмоций.

– Отныне у тебя нет прошлого. Ты не будешь писать или говорить о нем. Никто тебя не узнает.

Райкама надела горшочек мне на голову. Деревянные бортики закрыли глаза и нос. Я хотела закричать, но ее прокля-

тие сработало быстрее моего голоса. Меня окутала тьма.

Глава восьмая

Я очнулась на мягкой земле, лицом к пустым небесам. Щеки и лодыжки щекотала высокая трава, холодный ветер пронизывал до самых костей.

Я заняла сидячее положение, тяжело дыша.

Это не дом... Я оказалась на вершине холма. Дворца нигде не было, а на месте Гиндары простиралось море. Оно окружало меня со всех сторон, серая вода мягко омывала берег.

Райкама забросила меня на какой-то остров. И судя по виду, на Дальнем Севере. Луна, по-прежнему сиявшая на утреннем небе, была размером с мой кулак.

Грудь сдавило от гнева, но я взяла себя в руки. Позже позлюсь. Перво-наперво нужно выбраться отсюда... найти братьев и вернуться домой. Я посмотрела вниз и заметила вдоль берега красно-коричневые точки ржавого оттенка: рыбацкие лодки – слабый намек на цивилизацию.

Затем подобрала рваную юбку и неуклюже спустилась с холма. Вскоре на дороге раздался топот копыт.

«Какая удача!» – подумала я, побежав в ту сторону. Потом замахала руками и уже открыла было рот, чтобы окликнуть путников. Просто скажу им, что я принцесса Сиори, дочь императора. Они с превеликим удовольствием доставят меня домой.

Но тут послышался хриплый мужской смех, блеснули стальные клинки, небрежно зажатые в их руках, и я замерла на полпути.

– Эй, ты! – крикнул один из мужчин, заприметив меня издалека. – Девчонка в шляпе... стой!

Живот скрутило от страха. Я слышала много историй об угрозах, подстерегавших на дорогах Кияты, причем бандиты считались самыми опасными из них.

Я бросилась в кусты. Через сотню шагов сняла верхний слой халата, чтобы двигаться быстрее. Зубы застучали от холода. Я бежала вслед за восходящим солнцем – таким бледным, маленьким и совсем не похожим на то, что ежедневно озаряло мой дом.

Когда холм остался далеко позади, превратившись в небольшой бугорок на фоне серо-голубого моря, я наконец замедлилась и перевела дыхание. Слава Вечным дворам, бандиты не кинулись в погоню. Впереди находилось затопленное рисовое поле – значит, где-то неподалеку должна быть деревня.

Я поискала дорогу, прикрыв глаза от солнца, как вдруг мои пальцы коснулись дерева вместо кожи. Вспомнились слова, которые прокричал бандит: «Девчонка в шляпе».

Мое сердце пропустило удар. На голове действительно что-то было, но не шляпа... а деревянный, непоколебимый горшочек. Как бы я ни старалась, он не снимался. Это дело рук Райкамы?

Я присела у неглубокого пруда и посмотрела на свое отражение. Горшочек закрывал глаза и нос, однако я все прекрасно видела, словно дерево было таким же несущественным, как тень. Но мое отражение показывало обратное: как головой ни верти, все выше губ было скрыто.

В горле появился твердый комок, в груди снова запылал жар.

В таком виде отец ни за что меня не узнает! Как и кто-либо другой.

«Напишу ему», – решила я. Как только дойду до ближайшей деревни, сразу же отправлю отцу письмо с моим местонахождением. Мы найдем братьев, а затем найдем какого-нибудь чародея, чтобы он снял с меня заклинание мачехи.

Внезапно на фоне серых туч, что собирались на востоке, возникли шесть птиц. Мое сердце подскочило к горлу, в голове прозвучало проклятие Райкамы.

– Братья! – закричала я. Слово отдавало пеплом, но у меня не было времени задуматься почему. Я побежала по рисовому полю к морю, размахивая руками.

Но птицы летели дальше, не обращая на меня никакого внимания.

Нет, нет, нет! Они должны увидеть меня! Нельзя их упустить!

– Братья, прошу, вернитесь!

Запаниковав, я стянула туфлю и кинула в них. Она описала дугу в воздухе, размываясь ярко-розовым пятном, и едва

долетела до верхушек деревьев. Что уж говорить о небе.

– БРАТЬЯ! – воскликнула я исполненным мольбы голосом. – Пожалуйста!

Наконец птицы остановились. Во мне затеплилась надежда, что братья наконец меня заметили.

Но нет... Они быстро падали, словно кто-то подрезал им крылья. Все произошло так стремительно, что я могла лишь с ужасом наблюдать за их снижением.

Затем помчалась к берегу и едва не вскрикнула при виде шести птиц, безжизненно распластавшихся на песке. Вот только... у меня перехватило дыхание: из-под крыльев мертвых птиц выползли шесть полупрозрачных и темных, как тень, змей. Они оторвали от земли переднюю часть тела, поднимаясь до уровня моей талии, и взглянули на меня злобными желтыми глазами.

«Это твое единственное предупреждение, – прошипели они. – В следующий раз умрут твои братья – по одному за каждый звук».

Передав послание, змеи просто исчезли.

К моему ужасу примешалось облегчение – на самом деле на песке лежали вовсе не журавли, а лебеди. Это не мои братья, но они все равно погибли... из-за меня.

Шесть лебедей – по одному за каждое произнесенное слово.

«Покуда этот горшочек на твоей голове, за каждый звук, что слетит с твоих уст, один из твоих братьев умрет», – ска-

зала моя мачеха.

Теперь я в полной мере поняла суть проклятия Райкамы, и мое горло сдавило от горя.

Мне хотелось кричать. Выть. Плакать. Доказать себе, что все это ложь. Ужасная, отвратительная ошибка. Но шесть мертвых лебедей – со стеклянными черными глазами, со скрученными длинными белыми шеями – убедили меня в обратном.

Я упала на колени, легкие запылали от едва сдерживаемого всхлипа.

Мачеха уничтожила меня. Она забрала у меня братьев, семью, дом... Даже мою личность!

По щекам покатались слезы. Я плакала до тех пор, пока не стало больно дышать. Глаза так опухли, что небо слилось с морем. Не знаю, сколько времени я так просидела, качаясь из стороны в сторону. Но когда начался прилив, я поднялась вместе с волнами.

«Думай, Сиори, – строго сказала я себе, вытирая щеки рукавом. – Слезы делу не помогут. Райкаме только и нужно, чтобы ты томилась здесь и отчаивалась из-за произошедшего».

Она хотела, чтобы я страдала, может, даже умерла.

«Мертвой проклятие не разрушить. А если будешь сидеть здесь весь день и киснуть, как жалкая дурочка, то точно погибнешь! Думай, Сиори».

Мне была необходима еда. А также кров и деньги. Все то,

о чем раньше мне никогда не приходилось беспокоиться.

Я пощупала пояс, шею, запястья, длинные широкие рукава. Ничего. Ни кораллового ожерелья, ни нефритового кулона, ни жемчужного браслета. Ни единой монеты или хотя бы расшитого веера, который можно было бы продать.

Впервые в жизни я пожалела, что не позволяла служанкам увешать меня драгоценностями или украсить волосы золотыми заколками и шелковыми цветами.

Я обыскала все карманы, даже внутренние, но ничего не обнаружила.

Как вдруг что-то вылетело из последнего кармана. Кики с трудом выбралась из ткани, крутя головой и крыльями, чтобы разгладить складки, после чего приземлилась мне на колени. Каким-то образом ее бумажное личико выражало озабоченность.

«Кики!» – мысленно воскликнула я.

Она услышала и погладила крылом мою ладонь. Этого ласкового жеста вполне хватило, чтобы на мои глаза вновь навернулись слезы – на сей раз от облегчения. Я не одна!

Я взяла ее в ладони и прижала к щеке.

«Я не могу говорить, – даже мои мысли звучали обреченно. – Мои слова... они приносят смерть... я убила лебедей».

Бумажная птичка молчала несколько секунд. А затем ответила с удивительной нежностью:

«Что такое слова, как не дурацкие звуки, что утомляют язык? Они тебе не нужны, чтобы найти братьев. У тебя

есть я, так что помни, что ты не одинока. Мы разыщем их вместе. А до тех пор большие никаких слез, ладно?»

Ее обещание тронуло меня до глубины души. Я никак не ожидала такого от бумажной птички и крепко прижала ее к себе, оберегая от волн, бушевавших вокруг нас.

«Найди свет, который озарит твой фонарик», – говорила мне мама. И Кики стала этим светом.

«Ладно».

«Кстати, – начала она, садясь мне на ладонь, – думаю, что те бандиты на самом деле были рыбаками».

«Почему ты ничего не сказала?»

«Я застряла в твоём кармане».

Я улыбнулась, чувствуя прилив былых сил.

Вместе мы нашли деревню Тяньи – единственную на этом острове. Задрав нос до самого неба, я прошла по ее улицам с видом и достоинством принцессы. Но всем было плевать на мою грациозную походку и изящные жесты, или как гордо я шевелила губами, не издавая ни звука. Все видели лишь мое порванное платье, грязные ноги и странный горшочек на голове. Все понимали лишь то, что я не могу говорить. И посему отвергали мои безмолвные просьбы и поворачивались спинами.

«Отец непременно найдет меня, это только вопрос времени», – мрачно напомнила я себе. Оставалось надеяться, что Гуйя выжила. Служанка должна была слышать, как мои братья боролись с Райкамой. Она расскажет гвардейцам, а те,

в свою очередь, доложат императору, и он заставит эту ведьму снять проклятие. От меня же требовалось только дожить до тех пор.

Вот только как выжить без пропитания? Я пробовала просить милостыню, но никто не хотел помогать странной девушке с деревянным горшочком на голове. Пробовала писать на земле, но деревенские не умели читать. Дети собирались группками, чтобы поиздеваться надо мной, некоторые жители забрасывали меня камнями, называя демоном, но я не могла высказаться в свою защиту или даже взглянуть им в глаза.

После трех дней, что я страдала от их равнодушия и плевков, а также спала на улице, набивая желудок одной лишь дождевой водой, моя надежда зачахла.

Голод довел меня до отчаяния. А отчаяние придало смелости.

На рассвете я прокралась к серому заливу, где швартовались все рыбаки, и отвязала лодку, на которой добывали креветок.

И не замечала тень женщины, нависшей надо мной, пока не стало слишком поздно.

– Никто не смеет красть у госпожи Дайнань, – прошипела она и замахнулась удочкой. Не успела я среагировать, как меня с такой силой стукнули по деревянному горшочку, что в ушах зазвенело и весь мир закружился.

Я потеряла сознание.

Глава девятая

Придя в чувство, я попыталась встать, но госпожа Дайнань снова ударила меня по голове.

– Лучше бы ты покинула остров вплавь, девочка. Это крыто не годится даже для ловли креветок.

Она толкнула меня к серым волнам, разбивающимся о причал, как бы провоцируя на прыжок. Когда я воспротивилась, женщина хмыкнула, взяла меня за подбородок и окинула взглядом мои впавшие щеки, испачканные в саже.

– Так и думала. Не бывает таких жалких демонов.

Она швырнула мне свой передник.

– Отныне будешь работать на меня. Что-нибудь учудишь, и я попрошу магистрата отрезать тебе руки за попытку украсть мою лодку. Поняла?

Я сжала передник в кулаке, изнывая от голода. Его покрывали пятна от масла и коричневого соуса, к ткани прилипли засохшие рисовые зерна, которые так и подмывало слизнуть.

«Всего на один день, – пообещала я себе, плетясь за госпожой Дайнань. Затем взглянула на пустое небо, представляя шестерых журавлей, паривших среди облаков. – Всего на один день».

Вскоре я потеряла счет тому, сколько раз это обещание было нарушено.

– Лина! Лина, живо сюда, глупая девчонка!

Лина. Прошло уже два месяца, а я до сих пор не привыкла к имени, которым нарекла меня госпожа Дайнань. Но ничего, это всяко лучше, чем «воровка», «горшок ходячий» или «демон». Хотя подобные прозвища, вероятно, плохо отразились бы на торговле.

– Лина! Я жду.

Невысокий рост госпожа Дайнань с лихвой компенсировала громким, злобным голосом. Когда она гневалась, даже землетрясение не могло переплюнуть ее громогласных криков. В последнее время владелица таверны была не в духе; от осенних сквозняков у нее болели кости, и она срывала злость на мне.

Мне же оставалось только гадать, что я сделала на этот раз.

Я отставила метлу и пошла к ней, готовясь к публичному выговору. И щеку закусил, чтобы боль напоминала о моем обете молчания.

– Господин Насава заказывал чашу рисового вина, а не сливового, – проворчала госпожа Дайнань. – Ты уже трижды перепутала заказы за последний час!

Наглая ложь! Господин Насава – рыбак и частый гость

в таверне «Воробей», – определенно просил принести сливовое вино. Я злобно на него покосилась, но мужчина отвел взгляд. Он любил доставлять мне неприятности, но я подозревала, что он втайне боялся меня.

– Ну?

Еще месяц назад я бы стиснула зубы и показала жестами, что она ошиблась. И в итоге получила бы затрещину и осталась бы без ужина.

Но я быстро училась и теперь проявляла неповиновение другими способами.

«Простите», – показала я, потупившись, и начала забирать чашу со сливовым вином, как вдруг госпожа Дайнань ударила тыльной стороной ладони по горшочку.

Тот загудел у меня на голове, и я попятилась. Чаша разбилась о пол, вино забрызгало мне юбку.

Стоило восстановить равновесие, как госпожа Дайнань подошла вплотную и потрясла метлой у меня перед лицом.

– Никчемная девчонка! Быстро убирай!

– Зачем вы вообще ее держите? – протянул господин Насава. – Только взгляните на этот горшок на ее голове! В жизни не видел ничего более зловещего.

– Оставьте ее, госпожа Дайнань, – пробормотал другой рыбак. – Она хороший повар, лучший, что у вас был.

– Да, пускай возвращается к работе. Старик Насава действительно заказывал сливовое вино. Даже я слышал!

Не желая скандалить с посетителями, я взяла метлу и сме-

ла осколки разбитой чаши из-под вина.

Путь от воровки к повару прошел как в тумане. Еще удивительнее было то, что уже наступила середина осени; темнеющие клены за таверной постоянно напоминали о моем нарушенном обещании.

Я сглотнула, мучаясь от чувства вины. В мои планы не входило задерживаться так надолго, но госпожа Дайнань усердно нагружала меня работой. Я еженощно падала на койку, не находя в себе ни сил, ни энергии, чтобы хотя бы придумать, как сбежать. А утром все повторялось. Кроме того, куда мне идти без денег?

«Ты могла бы попросить кого-то из рыбаков одолжить тебе лодку, Сиори, – сказала Кики, прочитав мои мысли. – Большинству из них ты нравишься».

Птичка встрепелулась в кармане. Как бы мне ни хотелось ее выпустить, я не могла оставить Кики одну в комнате – госпожа Дайнань взяла за правило обыскивать ее без предупреждений каждую пару дней.

Кики ежедневно искала моих братьев, но не добилась успехов даже в том, чтобы передать отцу весточку. Деревня Тяньи находилась так далеко от материка, что новости сюда почти не доходили.

Я зашла на кухню и заглянула в большой котелок, кипящий на огне.

В мои основные обязанности входило приготовление супа – именно благодаря ему госпожа Дайнань до сих пор не

выставила меня за дверь. Он привлекал много посетителей.

Рецепт придумала мама. Она умерла, когда мне было три года, но я на всю жизнь запомнила тепло и вкус ее супа. А еще как вылавливала из котелка куски мяса и вынимала рыбы хребты. Или нанизывала на ложку луковые кольца и наслаждалась хрустом редиса и ярко-оранжевой моркови. Но больше всего мне запомнились ее песенки, которые она сочиняла, пока мы трудились на кухне.

Тяннари жила у моря,
И разводила огонь для котла и ложки.
Варись, варись, суп для гладкой кожи.
Тушись, тушись, рагу для густых волос.
А что она делала для счастливой улыбки?
Пироги, пироги, со сладкими бобами
и сахарным тростником!

После маминой смерти я продолжала наведываться на кухню, чтобы помочь поварам сварить ее суп. Это единственное блюдо, которое мне разрешали готовить – и то, вероятно, из жалости, – зато я набила на нем руку. Братья просили о супе всякий раз, когда плохо себя чувствовали, и хоть они сильные, крепкие и редко болели, их было шестеро. Их уязвленное эго и поцарапанные коленки служили мне поводом отточить мамин рецепт.

Во время готовки я чувствовала себя ближе к ней – и счастливой. Почти. Хотя о чем еще можно нынче просить?

Только тогда я забывала о проклятом горшочке на голове и о проклятье, лишившем меня голоса. Или о том, что мои братья находились непонятно где, запертые в теле журавлей, потерянные для меня.

Кроме того, когда я не готовила, на кухню заступала госпожа Дайнань. Ее стряпня была на вкус как бумага – безвкусная и практически несъедобная. Она бы подавала и ослиный навоз, если бы это сберегло ей деньги, но в основном владелица таверны повторно кипятила остатки костей с полусгнившими овощами и, как я подозревала, помоями.

Естественно, она пришла в ярость, увидев, что я не скупясь добавляла морковь в суп и заправляла рис рыбным бульоном. Но рыбаки отметили, что ее еда стала вкуснее, рис – рассыпчатым вместо переваренного, а овощи хрустели на зубах и освежали дыхание. Ее дело процветало, и госпожа Дайнань перестала читать мне нотации о том, что я выбрасываю ее продукты на ветер. Вместо этого она подняла цены.

Она мне не нравилась, но, полагаю, одинокой вдове нелегко управлять целой таверной. Ее тяготы отражались в глубоких морщинах на лице, из-за которых она выглядела намного старше своего возраста. Госпожа Дайнань не отличалась добротой, но все равно по-своему защищала меня – по крайней мере, от своих посетителей.

Я вышла из кухни, и какой-то солдат схватил меня за юбку и притянул к себе.

– Ну-ка, и что тут у нас скрывается под этим горшком?

Я помахала метлой у него перед лицом. «Не трогай меня!»

— Ах ты... — он сердито встал, но от выпитого не смог удержать равновесия и покачнулся. Затем попытался плеснуть в меня вином, но промахнулся. — Демон! Демон!

— Оставь ее в покое, — подала голос госпожа Дайнань. — Моя прошлая девчонка и то была больше похожа на демона, чем эта мелкая креветка. Она глуповата, но зато умеет готовить. Тебе же понравился твой суп, не так ли?

— Тогда зачем этот горшок? — спросил солдат заплетающимся языком.

— Она просто уродливая, — ответил господин Насава. — Такая страшила, что мать приклеила горшок к ее голове, чтобы уберечь нас от этого безобразия.

Все рассмеялись, а я перестала подметать пол и гневно воззрилась на них. Перед глазами все расплывалось от злости. Это сделала мачеха, а не моя мать! Мне было тошно от одной мысли, что это чудовище Райкама по-прежнему замужем за моим отцом, по-прежнему почтенная супруга императора. Мои ногти впились в деревянную рукоятку.

В последнее время такие солдаты все чаще навевались в таверну. Пьяные и воинственные, они путешествовали через Тяньи, направляясь защищать Север. Каждый раз, когда приходил новенький, меня охватывала тревога. Боги, лишь бы отец не готовил нас к войне...

Будто почувствовав, что я отвлеклась от дела, госпожа Дайнань резко обернулась и погрозила мне костлявым паль-

цем.

– Хватит подслушивать, Лина! – рывкнула она. – У нас заканчиваются дрова, так что принеси-ка еще.

Я взяла плащ у двери и променяла метлу на топор.

Не переставая злиться, встала перед ближайшей поленицей. Раньше я быстро утомлялась, топор был таким тяжелым, что приходилось поднимать его обеими руками. Теперь же я с легкостью держала его в одной.

С каждым ударом мой гнев частично испарялся.

Вряд ли Райкама случайно закинула меня в самую изолированную часть Кияты, откуда невозможно вернуться домой.

Интересно, она всегда использовала магию, чтобы помыкать нами? Так она обольстила отца и заставила жениться на ней? На чужой-то женщине, с далеких земель, без денег и титула...

Мне, конечно, хотелось в это верить, но в глубине души я знала, что это неправда.

Я бы заметила, что ее глаза меняли цвет при использовании магии – становились желтыми, как хризантемы, цветущие летом в наших садах. Я бы заметила камень в ее сердце, мерцавший как обсидиан в лунном свете.

И уж точно заметила бы ее лицо – то, настоящее. Шероховатое, отвратительное, с белыми чешуйками... как у змеи.

Ветер насмешливо хлестал меня по горшочку на голове. Я ничего не могла сделать. Меня заперли здесь одну, без го-

лоса, без лица и без магии.

Я сотню раз пробовала озеленить засохшую траву или сделать гнилые мандарины, купленные на рынке госпожой Дайнань, снова упругими и сочными. Пробовала сложить птичек, рыбок и обезьянок из всего, что попадалось под руку, и затем оживить их. Когда-то это было так просто... от меня требовалось только одно слово, мысль, желание. Каждый день я предпринимала новые попытки, отказываясь сдаваться.

Но моя магия исчезла. Стала не более чем сном.

Я замахнулась в последний раз, и полено со стоном треснуло пополам, разлетаясь в разные стороны. Затем отошла и вытерла пот со лба.

Может, решение кроется не в магии. Может, есть другой способ.

Я подняла топор, чтобы нарубить следующую партию дров, и собралась с силами.

Я свернулась калачиком на соломенной койке, Кики устроилась на сгибе моей руки. Каждую ночь мне снились братья: Андахай, Бэнкай, Рэйдзи, Вандэй, Ётан и Хасё. Шесть журавлей с алыми «коронами».

Иногда я звала их, и они один за другим падали с неба в багряном вихре – со змеиными укусами на шеях, покрытых черным оперением. Тогда я просыпалась в холодном поту, содрогаясь всем телом. Порой снилось, что они искали меня, пролетая над незнакомыми землями. Эти сны обладали удивительной четкостью, и я молилась, чтобы они были видениями. Чтобы мои братья были живы, в безопасности, и не забыли, кто они... или я.

Сегодня мне приснилась Райкама.

Деревья в нашем саду озолотились, их листья опалил красный румянец.

День за днем мои братья прилетали ко дворцу и издавали пронзительные крики, отдаленно напоминавшие мое имя.

«Сиори! Сиори!»

Убивать журавлей на императорской территории было незаконно, но солдат так встревожили их ежедневные визиты, что они начали закидывать птиц камнями, когда те пытались приземлиться в саду. Однако мои братья оставались непоколебимыми.

Наконец одним днем их крики стали настолько громкими, что отец решил сам взглянуть на шестерых журавлей, парящих над его дворцом.

– Странно, – задумчиво произнес он. – Обычно журавли прилетают только зимой. Ну-ка, взгляни. – К нему присоединилась мачеха. – Они отличаются от обычных птиц.

– Разве? Дорогой, ты научился различать птички

лица?

– Нет, – отец грустно посмеялся. – Но их глаза... они выглядят как человеческие. Такие печальные. Кажется, будто я видел их раньше...

Мачеха напряглась.

– Они становятся агрессивными. Самый крупный напал сегодня на гвардейца, еще один залетел ко мне в сад. Эти журавли дикие. Если они снова появятся, прикажи гвардейцам их застрелить.

Прежде чем отец успел возразить, в глазах мачехи замерцали крупинцы золота, и его лицо лишилось всякого выражения. Он кивнул, будто думая: «Разумеется, ты совершенно права».

Когда братья снова прилетели искать меня, Райкама и их заставила все забыть.

– Летите на юг. Забудьте о сестре и присоединитесь к другим журавлям.

«Нет! – хотелось мне закричать. – Не слушайте ее!»

Но журавли улетели. Что их спугнуло – чары мачехи или стрелки, – я не знала.

Я проснулась с мокрой спиной и затекшими ногами от нервных рывков во сне. Но мой разум еще никогда не был таким ясным, будто наконец пробил пелену страха, навеянного Райкамой, и отточил мою печаль в стальную отвагу.

Я достаточно здесь просидела. Прошло время мачехе заплатить за содеянное. Пришло время найти моих братьев.

Глава десятая

Я обнаружила госпожу Дайнань на кухне. Она разбавляла водой рисовое вино и скидывала объедки в овощное рагу, приготовленное мной на ужин.

– В чем дело, Лина? – нетерпеливо поинтересовалась она.

Вчерашний кошмар придал мне храбрости. Я протянула руку, намекая на деньги.

– И хватает же наглости! – фыркнула госпожа Дайнань. – С чего бы мне платить воровке?

Я продолжала настойчиво тянуть руку. Я пробыла здесь два месяца и за это время заработала больше, чем стоила ее лодка для ловли креветок. И мы обе это знали.

В голову полетела ручка от метлы. Я успела уклониться, но удар все равно пришелся по плечу.

Ключицу пронзила боль, и я поджала губы, чтобы сдержать крик. Издать ненароком хоть малейший звук было намного страшнее, чем удары госпожи Дайнань.

– Думаешь, тебя примет кто-то другой? Воровку-то? – она усмехнулась. – Может, продать тебя в бордель... Хотя кто на тебя соблазнится с этой нелепой штукой на голове?

Я сжала кулаки, чтобы не сделать ничего опрометчивого. «Нужно просто еще немного потерпеть», – успокаивала я себя, впиваясь ногтями в ладони.

– Да и зачем тебе деньги? У тебя нет ни дома, ни семьи, –

госпожа Дайнань шумно захлопнула ставни на окнах. – А теперь выметайся, пока я не...

Ее тираду прервал топот копыт. У двери в таверну заржала лошадь.

Фыркнув и поправив воротник, госпожа Дайнань вышла поприветствовать нового посетителя. Через пару минут она согнулась в низком поклоне, ее руки задрожали, голос подбостранно поднялся до неслыханных высот.

– О, добро пожаловать, сэр!

В таверну вошел императорский страж.

У меня перехватило дыхание. Я быстро схватила метлу, делая вид, что подметаю, и как бы невзначай подвинулась ближе, чтобы подслушать их разговор.

Так уж исторически сложилось, что стражи были своего рода рыцарями, обученными сражаться с демонами, и в прошлом помогали богам загнать их в Святые незыблемые горы. Но теперь, когда угроза якобы была устранена, стражи защищали императорскую семью и поддерживали порядок на доверенных им территориях. Некоторые тренировались всю жизнь, чтобы удостоиться этой чести; таким способом бедняки могли изменить свою жизнь.

Этот страж был молод, однако все равно, вероятно, получал не меньше десяти золотых маканов в год. Достаточно, чтобы иметь при себе парочку сребреников.

«Сиори, да что с тобой такое? – отругала я себя. – Подумываешь о том, чтобы обокрасть стража?!»

– Лина! – крикнула госпожа Дайнань. – Где твои манеры? Живо принеси нашему гостю порцию твоего вкуснейшего супа. И чашку чая!

Я поспешила исполнять приказ. По моем возвращении страж уже сидел за угловым столиком у окна, подальше от других посетителей.

Он не снимал шлем и доспехи, но даже будь он в лохмотьях, я бы все равно узнала в нем императорского стража. Вид у него был соответствующий: прямая осанка, гордо расправленные плечи, высеченные годами изнурительных тренировок, серьезный взгляд без намека на лукавство и озорство. Я повидала таких тысячу.

– Вы из Иро или из крепости в Тадзэни? – поинтересовалась госпожа Дайнань несвойственным ей учтивым тоном, демонстративно складывая на столе горячее полотенце для рук. – Там собралось много солдат, что, конечно, хорошо для торговли, но плохо для Кияты, как я полагаю.

– Я просто проезжал мимо.

Краткий ответ намекал на то, что он желал, чтобы его оставили в покое. Но госпожа Дайнань не унималась:

– Значит, направляетесь домой?

– Император ищет своих детей, – выдавил из себя страж. Особой болтливостью он не отличался. – Меня попросили присоединиться к поискам.

Волосы на моем затылке встали дыбом.

– Ах да, – госпожа Дайнань изобразила сочувствие на ли-

це. – Бедные принцы и принцесса. Что ж, мы их не видели. Вестей нет!

Это, похоже, страж и так знал. Он достал из котомки потрепанную книгу и открыл ее, чтобы избежать дальнейших вопросов от владелицы таверны. Затем кивнул на пустую чашку из-под чая.

– Лина! – рывкнула госпожа Дайнань, прежде чем перейти к другим гостям. – Чаю!

Я быстро налила еще, гадая, что побудило императорского стража искать нас на этом далеком острове. Как ему сказать, кто я на самом деле? Можно ли ему доверять?

Он почти не обращал на меня внимания, полностью сосредоточившись на книге. Пока он похлебывал суп, я заглянула ему за плечо. Оказывается, он вовсе не читал, а листал старые рисунки в альбоме. Рядом с некоторыми из них были какие-то пометки, но я не могла рассмотреть...

– Подглядывать через чужое плечо неприлично, – сказал он, напугав меня.

Затем поставил плошку с супом и поднял взгляд. При виде горшочка на его лице промелькнуло любопытство. Я уже привыкла к подобной реакции и приготовилась к куче вопросов, на которые не могла ответить.

И зря.

– Ты, должно быть, местный повар, – сказал он, кивая на плошку. – Госпожа Дайнань не преувеличивала насчет твоего супа. Он невероятен! Такой ароматный рыбный бульон,

и даже редис вкусный!.. Он напоминает мне о доме.

Я кивнула, хотя на самом деле меня мало интересовало его мнение о супе. Мне хотелось узнать, как поживает отец, как давно меня ищут, где сейчас Райкама.

Но больше всего мне хотелось закричать: «Я – принцесса Сиори!» Трясти его за плечи, пока он меня не узнает. Приказать немедленно отвезти меня домой.

Но ничего подобного я не сделала. Только лишь поклонилась и ушла на кухню.

В конце концов, кто поверит, что принцесса Кияты при- служивала в таверне посреди деревни Тяньи? Что она – дев- чонка с деревянным горшочком на голове? Нищенка, кото- рая не может себе позволить даже гребешок, чтобы расче- сать колтуны, или соломенные тапочки, чтобы выйти в поле?

Никто. И тем более этот страж.

«Ты могла бы попросить у него денег, – предложил отча- янный голос в моей голове. – Для него один сребреник – это мелочь. А для тебя – настоящее богатство».

Я бы молила его на коленях, если бы это помогло найти братьев. Даже пожертвовала бы несчастными остатками сво- ей гордости. Но попрошайничество ничего не даст. Госпожа Дайнань увидит и заберет у меня деньги.

«Так ограбь его», – не унимался голос.

Да... Ради того, чтобы найти братьев, я готова на все.

Сумерки тянули время как могли, но все же соизволили прийти. На таверну упали тени, сквозь щели в узких коридорах просачивались золотистые закатные лучи.

Пока все ужинали, я поднялась по скрипящим ступенькам на второй этаж, чтобы помыть полы и заменить свечи в гостевых комнатах.

Покои стража оставила напоследок. Госпожа Дайнань выделила ему лучшую комнату, что, впрочем, почти ничего не значило: всего-то окно с видом на воду, непротекающий чайник и табурет с нормальными, а не шаткими, ножками.

Обычно я оставляла дверь открытой во время уборки, но сегодня заперла ее крепко-накрепко.

Затем, собравшись с духом, принялась обыскивать комнату.

Страж путешествовал налегке. В шкафу оказалось пусто, меч он держал при себе, как, вероятно, и деньги. Но мне много и не нужно было. Ровно столько, чтобы обеспечить себе проезд на юг.

На стойке для одежды висел лук: на вид дорогой, вырезанный из лучшей березы и окрашенный в насыщенный темно-синий цвет. Но я была не настолько глупа, чтобы пытаться продать оружие императорского стража.

А вот его плащ, аккуратно сложенный на койке – совсем другое дело. Увы, он оказался рваным и потрепанным. Едва не вздохнув от раздражения, я порылась по карманам. Пусто.

Я уже была готова сдаться, как вдруг увидела, что страж оставил котомку в темном углу. Довольно неожиданно для мужчины, который проявлял осторожность во всем.

Содержимое котомки подтвердило мои суждения о его характере: бурдюк для воды, медная трутница, моток муслина с тонкой костяной иглой и нитью, запасные шерстяные носки и чрезмерное количество книг о поэзии, классической живописи и истории. А также альбом, с которым я видела его раньше, полный рисунков гор, лодок на реке и маленькой девочки с косичками, держащей кролика. Рисовал он хорошо, но я пришла за маканами, а не наслаждаться его творчеством.

А затем... на самом дне... что-то мягкое...

Это туфля, в которой я была, когда Райкама меня прокляла! Та самая, которую я кинула в небо, когда подумала, что там летели мои братья!

Туфля сильно истрепалась, но я бы везде ее узнала – ярко-розовый шелк, красиво вышитые журавли, пятна от травы и пыльной дороги. Держа в руках эту частицу моего прошлого, я гадала: как страж на нее наткнулся?

Поддавшись любопытству, я копнула глубже. В одном из боковых карманов нашлись два тонких деревянных брусочка, связанные веревкой. Внутри наверняка что-то важное!

Я достала их.

Затем быстро развязала веревку. Между брусками обнаружили остатки свитка. Я недоуменно нахмурилась. Письмо на аландийском?

Я развернула свиток, жалея, что ловила мух на уроках языка. В отличие от Кияты, чьи многочисленные острова и материковая часть объединились еще много-много веков назад, Аланди была великой страной, разделенной на десятки спорных государств. Наши традиции и вероисповедание во многом совпадали, но это не означало, что я могла бегло читать на их языке.

К счастью, послание было простым:

Ваше Превосходительство!

Четыре вдоха – довольно изящное решение проблемы, но, боюсь, в нем больше нет необходимости...

Четыре вдоха? Я нахмурилась. Название яда было мне знакомо. Его рецепт знали только самые опытные наемные убийцы. Он высоко ценился, поскольку даже его запах мог погрузить жертву в глубокий сон. Однако при попадании в организм летальный исход был гарантирован.

Однажды кто-то прислал Райкаме мешочек благовоний, пропитанных четырьмя вдохами, но она сразу же выявила яд, чем заслужила отцовское восхищение.

«У него сладкий аромат, – наставляла она нас с братьями, – как у меда. Наемники всегда пытаются его замаскиро-

вать. И всегда используют небольшие дозы, поскольку, если яд вдохнуть, он оставит золотой след на коже, а если выпить, то от него почернеют губы».

Если подумать, не так уж и удивительно, что такая змея, как Райкама, хорошо умела распознавать яды. Если бы мы только знали...

Я вновь сосредоточилась на письме. Середина была вырвана, края бумаги пятнала засохшая кровь, но внизу послания остался еще один фрагмент:

Принцесса и ее братья исчезли из дворца. Я буду ждать вас с Волком на оговоренном месте, чтобы обсудить наш следующий шаг.

По спине пробежал холодок. Кто этот Волк и что ему нужно от меня и моих братьев? Я свернула свиток. Несомненно, это какой-то ужасный план, придуманный с целью навредить моему отцу... и Кияте. Возможно, поэтому Райкама и прокляла нас? Чтобы лишить отца защиты и сделать королевство достаточно уязвимым для атаки?

Что это послание делало у императорского стража?

Свечки в фонариках задрожали. Сперва я подумала, что это Кики вернулась с поисков моих братьев, но затем на лестнице раздались шаги.

Я подскочила. Кинув свиток обратно в котомку, быстро задула свечи и побежала к двери, но было слишком поздно.

К шее прижалась холодная сталь.

Я застыла, узнав стройный силуэт стража на фоне стены.

– Ты! – удивленно воскликнул он. Его голос ожесточился: – Повернись, только медленно.

Я послушалась. Мое сердце лихорадочно забилося в груди. Если он настоящий страж, то его меч достаточно острый, чтобы резать кости. И он имеет полное право меня убить!

Он подхватил свиток, с ходу заметив, что кто-то развязывал веревку, и помахал им у меня перед носом.

– Зачем он тебе?!

Я мужественно встретила с ним взглядом, крепко поджав губы.

– Дважды спрашивать не стану.

Я ткнула пальцем в горло, намекая, что не могу говорить. Затем протянула ладонь, чтобы объяснить, что искала деньги, и показала рукой волны – «деньги, чтобы покинуть остров».

Страж опустил клинок, на его лице отразилось понимание.

– Я видел, как владелица таверны ударила тебя. Поэтому ты хочешь уйти?

Я кивнула. А он наблюдательный. Благодаря своему молчанию я тоже стала замечать многие детали, на которые не обращала раньше внимания.

– Ясно. – Он спрятал брусочки обратно в котомку. – Хорошо, что я вовремя тебя поймал, – строго произнес мужчина, но уже без былой резкости. – Свиток только привел бы тебя к верной гибели.

Я наклонила голову. «Почему? Что в нем сказано?»

– Как для немой, ты хорошо умеешь доносить свои мысли, – страж закрыл котомку. – Это мое дело, и оно никак тебя не касается.

Я окинула его изучающим взглядом. Несмотря на грубое поведение, он меня не пугал. Страж мог убить меня на месте за то, что я рылась в его вещах, но смиростивился. Из чего я сделала вывод, что письмо предназначалось не для его глаз. Он сказал госпоже Дайнань, что искал императорских детей. Должно быть, свиток случайно попал к нему во время поисков.

На языке горела дюжина вопросов. Мне хотелось узнать новости о доме и об отце. Потребовать, чтобы он рассказал все, что ему известно. Но сперва нужно было объяснить, кто я такая.

Подрагивая от ликования, я начала выводить свое имя на ладони. Асмюэново чудо, наконец-то нашелся человек, который умеет читать!

В ушах зашипели невидимые змеи. «*Помни, – предупредили они. – Никто тебя не узнает*».

Я замерла. Горшочек на моей голове внезапно отяжелел. Даже в такой дали от дома проклятие Райкамы не давало мне спуска.

Шипение прекратилось. Страж снял шлем. Его темные, спутанные, взъерошенные волосы завивались у ушей, на лоб упал одинокий локон. Из-за этого он стал выглядеть ме-

нее грозным, будто передо мной стоял не закаленный воин, а усталый путник, которому не мешало бы помыться и побриться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.